

УЧРЕДИТЕЛЬ: Коллегия Адвокатов г. Челябинска

18+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ВОРОНИН Ю. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, почетный сотрудник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН (г. Москва); **ГРОМОВА Е. А.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДЕНИСОВА А. В.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДЕНИСОВИЧ В. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДМИТРИЕВА А. А.**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права; криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (г. Челябинск); **ДОБРОВАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДУНДУКОВ М. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института проблем безопасности СНГ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, заведующий кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **КВАНИНА В. В.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **МИХАЙЛОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ; **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва); **ПЕТРОВ П. К.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности Челябинского государственного университета (г. Челябинск); **СЕРОВА О. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Шеф-редактор **П. К. Петров**. Ответственный секретарь **В. В. Денисович**. Верстка **М. В. Трифионовой**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области
Регистрационный номер серии ПИ № ТУ74-01474 от 11 октября 2023 г.
Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. В. И. Ленина, 76, ЮУрГУ, Издательский центр.
Тел./факс +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. E-mail: problemprava28@mail.ru
Сайт журнала: <http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

© «Проблемы права», 2003—2025

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

1 ' 2025

18+

FOUNDERS JOURNAL: Chelyabinsk Bar Association

CHIEF EDITOR

V. V. KUDINOV, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **Yu. A. VORONIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **V. Yu. GOLUBOVSKY**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow); **E. A. GROMOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **S. M. DAROVSKIKH**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. V. DENISOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow); **V. V. DENISOVICH**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. A. DMITRIEVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of South Ural State University (NRU); **M. B. DOBROBABA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **M. Yu. DUNDUKOV**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the CIS Security Research Institute (Moscow); **S. S. ZENIN**, Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK**, Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University. Palackeho in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. V. KVANINA**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business Law of the Yuzhno-Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **M. F. KOSTYUK**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **V. I. KRUSS**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN**, Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A. V. MAYFAT**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY**, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **V. I. MIKHAILOV**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **I. I. MUSKET**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV**, Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **P. K. PETROV**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **N. A. PODOLNY**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsy (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **O. A. SEROVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Pskov State University (Pskov); **N. I. UTKIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan).

Editorial Director **P. K. Petrov**; Executive Editor **V. V. Denisovich**; Layout by **M. V. Trifonova**

Address of the editors office: 454080, 76 Lenin pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia
Phone/Fax +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. problemiprava28@mail.ru
<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

В НОМЕРЕ:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 5 —

Кантаев М. А.

История учения о форме и содержании произведения и его применимость к музыкальным произведениям

— 10 —

Кушхова З. А.

Юридическая техника как средство преодоления и разрешения коллизий законодательных актов: теория и практика в деятельности судебных органов

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— 15 —

Бейсенбин К. А.

Основные направления совершенствования концептуальных основ российского конституционализма

— 22 —

Кузнецов С. П., Белоскурская И. А.

Финансовое право: отдельные аспекты и актуальные проблемы

— 30 —

Куракина С. И., Степанова М. П., Баршова О. А.

К вопросу о субъектах регионального правотворчества

— 36 —

Неровная Н. Н.

Гарантии прав граждан, призываемых на военную службу по мобилизации

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— 40 —

Половникова Н. В.

Договорное регулирование отношений, связанных с транспортной мобильностью населения

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 45 —

Воронин Ю. А.

Личностные характеристики профессиональных преступников и их типологические разновидности

— 54 —

Денисович В. В.

Виртуальные миры как объект уголовно-правовой охраны

— 58 —

Петров П. К.

Обзор судебной практики по делам, связанным с необходимой обороной

— 66 —

Петров П. К., Денисович В. В.

Преступность в виртуальном пространстве: криминологическая характеристика

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 5 —

Kantaev M. A.

History of the Doctrine on the Form and Content of a Work and its Applicability to Musical Works

— 10 —

Kushkhova Z. A.

Legal Technology as a Means of Overcoming and Resolving Conflicts of Legislative Acts:
Theory and Practice in the Activities of Judicial Authorities

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 15 —

Beysenbin K. A.

Main Directions for Improving the Conceptual Foundations of Russian Constitutionalism

— 22 —

Kuznetsov S. P., Beloskurskaya I. A.

Financial Law: Selected Aspects and Current Issues

— 30 —

Kurakina S. I., Stepanova M. P., Barshova O. A.

On the Issue of Subjects of Regional Law-Making

— 36 —

Nerovnaya N. N.

Guarantees of the Rights of Citizens Called up for Military Service on Mobilization

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 40 —

Polovnikova N. V.

Contractual Regulation of Relations Related to with the Transport Mobility of the Population

CRIMINAL LAW SCIENCES

— 45 —

Voronin Yu. A.

Personal Characteristics of Professional Criminals and their Typological Varieties

— 54 —

Denisovich V. V.

Virtual Worlds as an Object of Criminal Law Protection

— 58 —

Petrov P. K.

Review of Judicial Practice in Cases Related to Necessary Defense

— 66 —

Petrov P. K., Denisovich V. V.

Crime in Virtual Space: Criminological Characterization

Кантаев М. А.

ИСТОРИЯ УЧЕНИЯ О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ К МУЗЫКАЛЬНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Kantaev M. A.

HISTORY OF THE DOCTRINE ON THE FORM AND CONTENT OF A WORK AND ITS APPLICABILITY TO MUSICAL WORKS

В статье с целью анализа научных идей, теорий и подходов немецких и российских ученых к учению о форме и содержании музыкального произведения как объекта авторских прав рассматривается история данного учения. Автором освещен процесс зарождения и развития учения о форме и содержании произведения. Кроме того, в настоящей работе приведены основные недостатки этого учения, раскрыты причины отказа от него в германской юриспруденции второй половины XX в. и подчеркнута значимость этой доктрины для авторского права. Особое внимание также уделено вопросам правовой охраны музыкального произведения, его становления как объекта авторского права. Приведены точки зрения наиболее авторитетных ученых относительно специфики музыкального произведения. На основе полученных результатов автором сделан вывод о возможности применения учения о форме и содержании произведения к музыкальным произведениям как объектам авторского права.

Ключевые слова: авторское право, форма и содержание, внутренняя форма, внешняя форма, музыкальное произведения, критерий творчества.

In order to analyze scientific ideas, theories and approaches of German and Russian scientists to the doctrine of the form and content of a musical work as an object of copyright, the article examines the history of this doctrine. The author highlights the process of the origin and development of the doctrine of the form and content of a work. In addition, the work presents the main shortcomings of this doctrine, identifies the reasons for its rejection in German jurisprudence of the second half of the 20th century and emphasizes the importance of this doctrine for copyright. Particular attention is also paid to the issues of protecting a musical work, its formation as an object of copyright. The points of view of the most authoritative scientists specializing in musical works are given. Based on the results obtained, the author concludes about the possibility of applying the doctrine of the form and content of works to musical works as objects of copyright.

Keywords: copyright, form and content, internal form, external form, musical work, creativity criterion.

Форма и содержание являются неискоренимыми составляющими любого произведения. Так, формой произведения принято считать способ выражения содержания, то есть конкретное воплощение идеи в материальной или иной зафиксированной форме. В свою очередь, содержание произведения представляет собой идею, замысел, концепцию, которые лежат в основе произведения. В музыке содержание произведения может проявляться совершенно разными способами в зависимости от самой идеи (например, история любви, сражения, вопросы добра и зла и пр.).

Автором идеи об охраняемой форме и неохраняемом содержании принято считать немецкого философа И. Г. Фихте (1762–1814), который отразил свои основные идеи по данному вопросу в сочинении «Обоснование неправомерности перепечатки произведений» [7]. В своем сочинении И. Г. Фихте констатирует сохранность права собственности на вещь, которую физически нельзя присвоить другому. Затем, И. Г. Фихте выделяет в произведении два аспекта — материальный и духовный. Материальный аспект проявляется в том плане, что выраженное в объективной форме произведение, представляющее собой вещь, находится в полном владении лица, которое может делать с этой вещью все что угодно — пользоваться лично, дарить, перепродавать, рвать и т. д. При этом духовный аспект по И. Г. Фихте обладает более сложной структурой и характеризуется материалом (идеи) и формой (фразы, слова, форма и способ выражения мысли), что никто и никогда не сможет купить или присвоить ввиду того, что это физически невозможно [7].

Таким образом, И. Г. Фихте, обращая внимание на уникальность образа мышления каждого отдельно взятого человека, приходит к выводу, что духовный аспект, а именно форма, навсегда остается исключительной собственностью автора, поскольку он не может придать ей никакой другой формы, кроме собственной — другой у него нет.

Ограниченность теории об охраняемой форме и неохраняемом содержании, как отмечает А. В. Кашанин, заключается в том, что И. Г. Фихте не дает конкретный ответ на вопрос о разграничении формы и содержания, не раскрывает рассматриваемые понятия, из-за чего практическая применимость данного учения оставалась

невозможной. Вместе с тем А. В. Кашанин признает, что последующее развитие фихтевской теории оказало существенное значение для развития авторского права. Ведь сама идея об охраняемой форме и не охраняемом содержании оказалась плодотворной и получила всеобщее признание [3, с. 79].

Теория Фихте традиционно рассматривается как положительное явление в истории учения о форме и содержании произведения. Однако она не предлагала решений для таких вопросов, как определение объекта авторского права, разграничение произведения и других интеллектуальных продуктов, а также выявление охраняемых элементов произведения. Эти проблемы были решены в концепции Й. Колера (1849–1919), которого считают основателем классической версии учения о форме и содержании [3, с. 81].

В основе концепции Й. Колера лежало утверждение, что авторско-правовой защитой могут обладать только результаты творческой деятельности. Чтобы утвердить свои идеи, ученый расширил понятия формы и содержания произведения. Согласно его концепции, содержание включает в себя идеи, мысли, эмоции, настроения и другие аспекты, которые автор стремится передать читателю, зрителю или слушателю. Также содержание можно охарактеризовать через его элементы, такие как фабула, сюжет, описание ключевых персонажей, последовательность событий и другие составляющие [3, с. 82–83].

Й. Колер разделил форму произведения на внешнюю и внутреннюю. Внешняя форма охватывает последовательность слов, звуков и других элементов, определяя, как произведение воспринимается читателем или слушателем. Также к внешней форме относят индивидуальный стиль художественного оформления. Внутренняя форма, напротив, отражает структуру произведения: взаимосвязь идей и ритмов, организацию идейного содержания, последовательность аргументов и выводов, стиль, образы, композицию и прочие элементы [3, с. 83].

Таким образом, концепция Й. Колера, основанная на критерии творчества и защите индивидуальной формы, позволяет четко разграничить охраноспособные и не охраноспособные элементы произведения. Уникальность и своеобразие внутреннего мира автора становятся определяющими факторами включения или ис-

ключения элемента из авторско-правовой охраны. Кроме того, как отмечает А. Г. Матвеев, Й. Колер был одним из первых немецких цивилистов, рассматривавших критерий творчества как основу для авторско-правовой защиты произведения [4, с. 173].

Со временем учение о форме и содержании произведения столкнулось с критикой, основные доводы которой сводились к тому, что в этом учении вместо юридических понятий используются философская, филологическая или иная терминология. Так, ученым, предложившим отказаться от концепции охраняемой формы и неохраняемого содержания произведения ввиду ее недостаточной точности, был немецкий исследователь О. Ульмер (1903–1988). По мнению О. Ульмера, предложенные Й. Колером дополнения были недостаточными, что наиболее очевидно проявляется на примере поэтических произведений. Он отмечал, что поэтическое произведение само по себе является свободным, а идеи, восходящие к народным преданиям и традициям, относятся к общественному достоянию. Однако важно различать общеизвестные элементы и те, которые являются плодом творческого воображения автора, включая оригинальные сюжетные линии, образы персонажей и их характеристики, а также уникальные переплетения событий. Ведь даже при переработке материала, например, экранизации, имеются основания говорить о нарушении авторских прав [8, с. 15].

Представляется, что основная мысль О. Ульмера сводится к тому, что степень авторско-правовой охраны произведения определяется его индивидуальностью. Чем более оригинальны элементы произведения, тем выше вероятность того, что их использование в произведениях других авторов потребует согласия первоначально создателя. Однако если новое произведение будет настолько самостоятельным, что не будет содержать отсылки к индивидуальности оригинального произведения, необходимость в таком согласии отпадает. Следовательно, О. Ульмер определял границы авторско-правовой охраны, подчеркивая возможность свободного использования произведения в случаях, когда оно обладает достаточной оригинальностью [8, с. 16].

Несмотря на то, что ни один из трех упомянутых ученых напрямую не рассуждал о форме и содержании музыкальных произведений, это не исключает возмож-

ности применения их учения к музыкальному произведению. Понятие «произведение» охватывает более широкий круг объектов, чем «музыкальное произведение». Следовательно, поскольку музыкальное произведение представляет собой частный, более специализированный случай произведения, выводы ученых о форме и содержании могут быть применимы и к нему. Подтверждение данного тезиса представляется возможным найти в трудах российских ученых, которые не рассуждали о форме и содержании произведения так тщательно, как это делали их немецкие коллеги. При этом российские исследователи отмечали особенности музыкального произведения и его сходства с иными объектами авторского права.

Анализ вопросов авторского права проводил В. Д. Спасович (1829–1906), который отмечал, что российское законодательство делило авторские права на литературные, художественные и музыкальные произведения [5, с. 34], при этом музыкальные произведения не входили в категорию художественных, а рассматривались отдельно. В. Д. Спасович признавал, что приравнивание музыкальных произведений к литературным и художественным может вызвать споры. Однако, по его мнению, подобные разногласия связаны исключительно с терминологией. Он объяснял, что деление произведений основано прежде всего на способе передачи мысли: если мысль выражена словом — это литературное произведение, изображением — художественное, а звуком — музыкальное [5, с. 36]. Подобную классификацию также предлагал И. Кант, который делил искусства на словесные, изобразительные и музыкальные, относил последние к сфере «прекрасной игры ощущений» [2, с. 29].

Таким образом, В. Д. Спасович, не говоря о форме произведения, все же признает ее значимость, поскольку именно она как способ передачи мысли служит критерием для разграничения литературных, художественных и музыкальных произведений.

Другой русский ученый, Г. Ф. Шершеневич (1863–1912), рассматривал музыкальные произведения в сравнении с литературными. Он определял объект авторского права как результат духовного творчества, выраженный в письменной или словесной форме и предназначенный для общественного обращения [6, с. 137].

В этом определении он выделял три ключевых признака: духовное творчество, форма и предназначение. Г. Ф. Шершеневич также обращал внимание на сложность разграничения литературных и художественных произведений. По содержанию между картиной, поэмой и музыкальным произведением нет принципиальных различий. Например, он указывал, что стихи Лермонтова, музыка Рубинштейна и картина Зичи в равной степени передают идеи презрения высшего существа к мирским мелочам. Следовательно, именно форма становится определяющим критерием: словесная форма характерна для литературных произведений, звуковая — для музыкальных, цветовая — для художественных, а внешние очертания — для архитектурных. При этом по справедливому замечанию ученого, «с точки зрения средств выражения музыкальные произведения приближаются к литературным, как только записываются и отпечатываются в форме нот» [6, с. 141].

Таким образом, Г. Ф. Шершеневич непосредственно не исследовал учение о форме и содержании произведений, при этом в своей работе он отмечал труды И. Г. Фихте и Й. Колера, но не давал им однозначной оценки.

Среди российских цивилистов XX века наибольшее внимание учению о форме и содержании произведений уделил В. Я. Ионас (1900–1988). По его мнению, в произведениях искусства необходимо различать несколько ключевых элементов: тему, материал, идейное содержание, сюжет, образную систему и выразительные средства. Эти компоненты он делил на юридически безразличные и юридически значимые. К первым относились элементы содержания, поскольку в них не проявляется в достаточной степени индивидуальный творческий вклад автора. Юридически значимые элементы, напротив, формируют внутреннюю и внешнюю структуру произведения, так как именно они отражают авторский творческий вклад, оригинальность, а также художественные и языковые особенности [1, с. 45–47].

Тема, будучи идейной основой произведения и тесно связанной с его эмоциональным и смысловым наполнением, играет важную роль в формировании художественного образа музыкального произведения. В качестве примера В. Я. Ионас приводит этюды Ф. Шопена и Одиннадцатую симфонию Д. Шостаковича [1, с. 45–47]. Поскольку тема существует объектив-

но и не является результатом творчества конкретного автора, она не может охраняться авторским правом. Также не охраняется авторским правом и сюжет музыкального произведения. В. Я. Ионас рассматривает сюжет как программу, которая может быть заимствована из литературы или реальной жизни и приводит в качестве примера Пятую, Седьмую и Одиннадцатую симфонии Д. Шостаковича, основанные на исторических и философских идеях [1, с. 45–50].

Говоря о языке музыкального искусства и художественных средствах выразительности, ученый отмечает, что в музыке такими выразительными средствами служат гармония, темп, ритм, динамика, контрапункт, музыкальные контрасты и другие приемы, создающие художественный образ [1, с. 54]. Таким образом, на основе анализа элементов произведения В. Я. Ионас приходит к выводу, что в музыке правовая значимость сосредоточена в образной системе и языке произведения [1, с. 55–56]. Однако на практике применение его теоретических положений оказалось затруднительным, поскольку классификация и определение элементов конкретного вида произведения вызвали ряд сложностей.

Итак, рассмотрение истории учения о форме и содержании произведения позволило установить, что оно зародилось в немецкой философии и цивилистике. Несмотря на последующий частичный отказ от этого учения, его значимость для авторского права является существенной.

Важно также отметить, что в своей первоначальной вариации учение о форме и содержании произведений рассматривалось достаточно абстрактно и не касалось отдельных видов произведений таких, как музыкальные, художественные, архитектурные и прочие. Представляется, что в целом это учение применимо для анализа охраноспособных элементов музыкального произведения. В отечественной цивилистике наибольший вклад в развитие и конкретизацию учения о форме и содержании произведения внес В. Я. Ионас. Его идеи о художественных средствах выразительности в музыке, имеющих авторско-правовое значение, могут найти дальнейшее развитие в юридической науке и правоприменительной практике. Представляется, что, в сущности, серьезного противоречия между взглядами О. Ульмера о том, что степень авторско-правовой охраны произведения определяется его индиви-

дуальностью, и мыслями В. Я. Ионаса о художественных средствах выразительности нет. Таким образом, идеи о форме и содержании произведения, с одной стороны,

и об оригинальности как критерии творчества, с другой стороны, могут быть сведены в единую методологию.

Литература

1. Ионас, В. Я. Произведения творчества в гражданском праве / В. Я. Ионас. — М., 1972. — 168 с.
2. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. — М.: Искусство. 1994. — 367 с.
3. Кашанин, А. В. Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений / А. В. Кашанин // Вестник гражданского права. — 2010. — № 2. — С. 68–138.
4. Матвеев, А. Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие / А. Г. Матвеев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. — 444 с.
5. Спасович, В. Д. Права авторские и контрафакция / В. Д. Спасович. — СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1865. — 106 с.
6. Шершеневич, Г. Ф. Авторское право на литературные произведения / Г. Ф. Шершеневич. — Казань: Тип. Императорского Унив., 1891. — 313 с.
7. Fichte J. Beweis der Unrechtmäßigkeit des Büchernachdrucks // Berliner Monatsschrift. 1793. S. 443–482. — URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Fichte,+Johann+Gottlieb/Beweis+der+Unrechtm%C3%A4%C3%9Figkeit+des+V%C3%BCchernachdrucks> (дата обращения: 03.12.2024)
8. Ulmer E. Der Urheberschutz wissenschaftlicher Werke unter besonderer Berücksichtigung der Programme elektronischen Rechenanlagen. S. 1 ff., 14 ff. — URL: https://www.zobodat.at/pdf/Sitz-Ber-Akad-Muenchen-phil-hist-KI_1967_0001-0019.pdf (дата обращения: 13.12.2024).

References

1. Jonas V. Ya. Creative Works in Civil Law. Moscow, 1972. 168 p.
2. Kant I. Critique of the Ability to Judge. Moscow: Art. 1994. 367 p.
3. Kashanin A. V. Development of the Doctrine of the Form and Content of a Work in the Doctrine of Copyright. The Problem of Protectability of the Content of Scientific Works // Civil Law Bulletin. 2010. No. 2. pp. 68–138.
4. Matveev A. G. Intellectual property rights to works of science, literature and art: textbook / A. G. Matveyev; Perm state national research university. Perm, 2015. 444 p.
5. Spasovich V. D. Copyright and counterfeiting. St. Petersburg: M. O. Wolf Publishing House, 1865. 106 p.
6. Shershenovich G. F. Copyright on literary works. Kazan: Type. Imperial University, 1891. 313 p.
7. Fichte J. Beweis der Unrechtmäßigkeit des Büchernachdrucks // Berliner Monatsschrift. 1793. S. 443–482. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Fichte,+Johann+Gottlieb/Beweis+der+Unrechtm%C3%A4%C3%9Figkeit+des+V%C3%BCchernachdrucks> (access date: 12/03/2024)
8. Ulmer E. Der Urheberschutz wissenschaftlicher Werke unter besonderer Berücksichtigung der Programme elektronischen Rechenanlagen. S. 1 ff., 14 ff. URL: https://www.zobodat.at/pdf/Sitz-Ber-Akad-Muenchen-phil-hist-KI_1967_0001-0019.pdf (accessed: 13.12.2024).

Сведения об авторе

КАНТАЕВ Магомед-Салах Асланбекович, аспирант кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614068, г. Пермь, ул. Дзержинского, 2. E-mail: magomed_59@mail.ru

KANTAEV Magomed-Salah Aslanbekovich, PhD Student at the Department of Civil Law, Perm State National Research University. 614068, Perm, Dzerzhinsky St., 2. E-mail: magomed_59@mail.ru

9

Теоретико-исторические
правовые науки

УДК 340

Кушхова З. А.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Kushkhova Z. A.

LEGAL TECHNOLOGY AS A MEANS OF OVERCOMING AND RESOLVING CONFLICTS OF LEGISLATIVE ACTS: THEORY AND PRACTICE IN THE ACTIVITIES OF JUDICIAL AUTHORITIES

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования юридической техники как инструмента преодоления и разрешения коллизий в законодательстве. Анализируются основные подходы к пониманию правовых коллизий, их видов и причин возникновения. Особое внимание уделяется роли судебных органов в выявлении и устранении противоречий в законодательных актах. На основе исследования правоприменительной практики раскрываются различные способы и средства юридической техники, применяемые при разрешении коллизий. В работе представлены конкретные примеры из судебной практики, демонстрирующие эффективность применения различных средств юридической техники при разрешении коллизионных ситуаций. Особое внимание уделяется анализу проблем, возникающих в процессе преодоления правовых противоречий, и путям их решения. Автор приходит к выводу о том, что юридическая техника является важнейшим инструментом в системе преодоления и разрешения коллизий законодательных актов, играющим ключевую роль в деятельности судебных органов. В заключении предлагаются рекомендации по совершенствованию механизмов использования технико-юридических средств в правоприменительной практике.

Ключевые слова: юридическая техника, коллизии законодательства, судебные органы, судебный акт, правоприменение, Конституция Российской Федерации, Верховный Суд.

The article examines the theoretical and practical aspects of using legal technology as a tool for overcoming and resolving conflicts in legislation. The main approaches to understanding legal conflicts, their types and causes are analyzed. Special attention is paid to the role of judicial authorities in identifying and eliminating contradictions in legislative acts. Based on the study of law enforcement practice, various methods and means of legal technology used in resolving conflicts are revealed. The paper presents specific examples from judicial practice demonstrating the effectiveness of using various legal techniques in resolving conflict-of-law situations. Special attention is paid to the analysis of problems arising in the process of overcoming legal contradictions and ways to solve them. The author comes to the conclusion that legal technology is the most important tool in the system of overcoming and resolving conflicts of legislative acts, which plays a key role in the activities of judicial authorities. In conclusion, recommendations are proposed for improving the mechanisms of using technical and legal means in law enforcement practice.

10

Теоретико-исторические
правовые науки

Keywords: *legal technology, conflicts of legislation, judicial authorities, judicial act, law enforcement, Constitution of the Russian Federation, Supreme Court.*

Коллизии законодательных актов представляют собой одну из наиболее сложных проблем правовой системы. Они возникают в результате противоречий между нормами права, регулирующими одни и те же общественные отношения, и создают значительные трудности в правоприменительной практике. Судебные органы, как ключевые субъекты правоприменения, играют важную роль в разрешении таких коллизий. Однако процесс устранения правовых противоречий требует не только глубокого анализа законодательства, но и применения эффективной юридической техники при вынесении судебных актов.

В этой статье мы проанализируем теоретические и практические аспекты юридической техники как способа разрешения коллизий между законодательными актами в деятельности судебных органов.

Проблема коллизий законодательства и их разрешения судебными органами активно исследуется в юридической науке. В работах таких авторов, как А. Б. Венгеров, В. М. Баранов, С. С. Алексеев, рассматриваются теоретические аспекты коллизионного права и механизмы его реализации. Особое внимание уделяется судебной практике, которая выступает важным источником формирования правовых позиций. В исследованиях Е. А. Лукашевой, А. Ф. Черданцева анализируются методы устранения правовых противоречий и роль судебных органов в этом процессе. Однако вопросы, связанные с юридической техникой судебных актов в контексте разрешения коллизий, остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность настоящего исследования.

Прежде чем анализировать, как юридическая техника влияет на эффективность современного права, следует упомянуть об одном из компонентов юридической техники, о приёмах юридической техники.

Приёмы юридической техники — это способы и методы, которые используются для создания и применения правовых норм. Они включают:

– толкование права (методы толкования (грамматическое, логическое, систематическое, историческое, телеологиче-

ское), которые помогают уяснить смысл правовых норм);

– систематизация права (кодификация, инкорпорация, консолидация, которые способствуют упорядочиванию законодательства);

– преодоление коллизий (применение правил разрешения противоречий между нормами (например, *lex posterior derogat legi priori*, *lex specialis derogat legi generali*));

– аналогия права и закона (использование аналогии для устранения правовых пробелов);

– юридическая аргументация (обоснование решений судебных органов с использованием правовых принципов, доктрин и прецедентов).

Более подробно остановимся на преодолении коллизий в праве.

Латинский термин «*colisio*» в «Новом полном словаре иностранных слов, вошедших в русский язык» Е. Ефремова переводится как столкновение разнообразных, противодействующих одно другому, обстоятельств, принципов, идей и проч. [1. С. 206].

Юридическими коллизиями в праве называют разногласия и противоречия, возникающие в нормативных актах, регулирующих похожие или идентичные отношения. Эти коллизии представляют собой несоответствие правовых норм, что приводит к негативным последствиям для тех, кто применяет право, и для участников регулируемых отношений.

В российской литературе юридические коллизии не получили полноценного освещения ни в правовых теориях, ни в исследованиях, касающихся различных юридических областей.

Как отмечает Т. Н. Радько «Коллизия — это всегда противоречие, конкуренция двух и более норм, претендующих на регулирование одних и тех же отношений, это также своеобразное противоречие, поскольку отсутствует чёткость, ясность решения возникшей проблемы; две нормы, конкурируя, порождают противоречие для правоприменителя» [2. С. 394].

По мнению Н. А. Власенко, правовая коллизия представляет собой ситуацию, при которой различные юридические нормы, каждая из которых стремится регу-

лироваться одну и ту же фактическую ситуацию, вступают в противоречие друг с другом [3. С. 179].

Развивая эту мысль, Ю. А. Тихомиров подчёркивает уникальность юридических коллизий как особого правового явления и указывает на необходимость тщательного анализа их функциональной составляющей. По его мнению, правильное понимание природы правовых коллизий требует внимательного изучения их отличительных признаков, что позволяет избежать поверхностных оценок и непродуманных решений при их разрешении. [4. С. 14–15].

Таким образом, оба исследователя сходятся во мнении о том, что правовые коллизии представляют собой особый вид противоречий в правовой системе, требующий комплексного подхода к их выявлению и разрешению.

Н. И. Матузов отмечает, что следует различать коллизии и в праве и юридические (или правовые) коллизии вообще; последние могут выходить за пределы собственного права и охватывать всю правовую систему. В то же время и те и другие коллизии в рамках общей для них правовой сферы тесно взаимосвязаны и поэтому в данном случае их можно рассматривать в едином контексте [5. С. 203–204].

Чтобы эффективно справляться с возникающими на практике коллизиями, приведём некоторые причины их появления. Это:

- временные коллизии, которые возникают между нормами, принятыми в разное время;

- пространственные коллизии возникают между нормами, действующими на разных территориях (например, в федеративных государствах между нормами федерального и регионального законодательства);

- иерархические коллизии возникают между нормами разной юридической силы (например, между конституцией и обычным законом);

- содержательные коллизии возникают между общими и специальными нормами;

- коллизии между национальным и международным правом возникают, когда нормы национального законодательства противоречат нормам международного права.

Юридическая техника как инструмент разрешения таких коллизий включает:

- толкование норм судебными органами для устранения противоречий, ис-

пользуя принципы права: справедливости, гуманизма, равенства;

- применение коллизионных правил, например «lex posterior derogat legi priori», «lex specialis derogat legi generali»;

- отмена или изменение противоречивых норм правотворческими органами (применение судебного прецедента или доктринального толкования);

- учёт иерархии нормативных актов (Конституция РФ, международные договоры, федеральные законы, подзаконные акты).

Теоретической основой для разрешения коллизий служат принципы верховенства права, приоритета международных обязательств и системности законодательства [6. С. 45].

Рассмотренные теоретические аспекты юридической техники, создают необходимую основу для понимания её роли в преодолении и разрешении коллизий в законодательстве. Однако теория приобретает свою истинную ценность только тогда, когда находит применение в практической деятельности. В этом контексте особый интерес представляет анализ работы судебных органов, которые сталкиваются с коллизиями в законодательстве на ежедневной основе и вынуждены применять инструменты юридической техники для обеспечения законности и справедливости.

На практике суды часто сталкиваются с ситуациями, когда нормы различных правовых актов вступают в противоречие друг с другом, что требует от судей не только глубокого понимания права, но и владения приёмами юридической техники. Например, при рассмотрении дел, связанных с применением норм федерального и регионального законодательства, суды обращаются к принципу *lex superior derogat legi inferiori* (приоритет вышестоящего закона), чтобы разрешить иерархическую коллизию. Так, в решении Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.05.2020 по делу N 2–1669/2020 суд указал, что в случае, если подлежащий применению закон либо иной нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации противоречит федеральному закону, принятому по вопросам, находящимся в ведении Российской Федерации либо в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, то, исходя из положений части 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации, суд

принимает решение в соответствии с федеральным законом [7].

В других случаях, когда возникает противоречие между общей и специальной нормой, суды руководствуются принципом *lex specialis derogat legi generali* (специальный закон имеет приоритет над общим).

Таким примером может послужить постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.04.2024 N Ф09–1170/24 по делу N А50–14942/2021, где судья использовал закреплённые в статье 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» положения о недействительности сделок, направленные на пресечение возможности извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, причиняющего вред кредиторам должника, поскольку обладают приоритетом над нормами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [8].

Также в решении Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11 марта 2022 года по делу № 12–248/2022 об административном правонарушении суд использовал сразу два принципа *lex posterior derogat legi priori*, *lex specialis derogat legi generali* указав, что требования Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 N 294-ФЗ (далее Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ) являются специальной нормой по отношению к требованиям Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (далее ЖК РФ). Кроме того, Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ издан позднее, чем ЖК РФ, в связи с чем применил именно Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ [9].

Для иллюстрации практического применения толкования норм судебными органами для устранения противоречий, используя принципы права: справедливости, гуманизма, равенства приведём в качестве

примера, решение Верховного Суда РФ от 23.05.2022 N АКПИ22–212 О частичном удовлетворении заявления о признании недействующим пунктов 41, 48, 75 Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утв. Приказом Минюста России от 30.12.2011 N 455, где суд сделал вывод, что абзац первый пункта 41 Административного регламента в системе действующего правового регулирования не соответствует общеправовому критерию правовой определенности и вытекающим из него требованиям ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм, так как его содержание не обеспечивает однозначное понимание и толкование нормы, приводит к возможности ее произвольного применения, что создает угрозу нарушения права граждан Российской Федерации на создание общественных объединений, в связи с чем абзац первый пункта 41 Административного регламента в силу пункта 1 части 2 статьи 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации суд признал не действующим со дня вступления решения суда в законную силу [10].

Таким образом, юридическая техника выступает неотъемлемым инструментом в системе преодоления и разрешения коллизий законодательных актов. Её роль в деятельности судебных органов трудно переоценить, поскольку она не только способствует устранению существующих противоречий, но и закладывает основу для совершенствования законодательства в будущем.

Дальнейшее развитие данной проблематики видится в направлении разработки более эффективных технико-юридических средств предупреждения и разрешения правовых коллизий, а также в совершенствовании правоприменительной практики судебных органов.

Литература

1. Ефремов, Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Е. Ефремов. — М.: Т-во А. А. Левенсонъ, 1912. — С. 206.
2. Радько, Т. Н. Теория государства и права / Т. Н. Радько. — М., 2004. — 300 с.
3. Власенко, Н. А. Теория государства и права / Н. А. Власенко. — М., 2009. — С. 179.
4. Тихомиров, Ю. А. Юридическая коллизия / Ю. А. Тихомирова. — М., 1994. — С. 14–15.
5. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории и права / Н. И. Матузов. — Саратов, 2003. — С. 203–204.

6. Алексеев, С. С. Теория государства и права: учебник для вузов / С. С. Алексеев. — М.: Норма, 2023. — С. 496.
7. Решение Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.05.2020 по делу N 2–1669/2020 {КонсультантПлюс}
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.04.2024 N Ф09–1170/24 по делу N А50–14942/2021 {КонсультантПлюс}
9. Решение Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11.03.2022 N 12–248/2022 {КонсультантПлюс}
10. Решение Верховного Суда РФ от 23.05.2022 N АКПИ22–212 <О частичном удовлетворении заявления о признании недействующим пунктов 41, 48, 75 Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утв. Приказом Минюста России от 30.12.2011 N 455> {КонсультантПлюс}
11. Баранов, В. М. Коллизионное право: учебное пособие / В. М. Баранов. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 1998. — С. 152.
12. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А. Б. Венгеров. — 3-е изд. — М.: Юриспруденция, 2000. — С. 528.
13. Права человека: Учеб. для вузов / Отв. ред. Е. А. Лукашева. — М., 1999. — 430 с.
14. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. — М.: Юрайт-М, 2001. — С. 186.

References

1. Yefremov E. A new complete dictionary of foreign words included in the Russian language. Moscow: A. A. Levenson, 1912. p.206.
2. Radko T. N. Theory of State and Law. Moscow, 2004.
3. Vlasenko N. A. Theory of State and Law. Moscow, 2009, p. 179
4. Tikhomirov Yu. A. Legal conflict. Moscow, 1994, pp. 14–15.
5. Matuzov N. I. Actual problems of theory and law. Saratov, 2003, pp. 203–204.
6. Alekseev S. S. Theory of the state and law: textbook for universities / S. S. Alekseev. — М.: Norm, 2023. — p. 496.
7. Decision of the Khanty-Mansiysk District Court of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra dated 05/29/2020 in case No. 2–1669/2020 {ConsultantPlus}
8. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 04/18/2024 N F09–1170/24 in case N А50–14942/2021 {ConsultantPlus}
9. The decision of the Surgut City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra dated 03/11/2022 N 12–248/2022 {ConsultantPlus}
10. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/23/2022 N АКПИ22–212 <On Partial Satisfaction of the Application for Invalidation of Paragraphs 41, 48, 75 of the Administrative Regulations for the Provision by the Ministry of Justice of the Russian Federation of Public Services for Making Decisions on State Registration of Non-Profit Organizations, approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation. By Order of the Ministry of Justice of Russia dated 12/30/2011 N 455> {ConsultantPlus}
11. Baranov V. M. Conflict of laws: a textbook/V.M. Baranov. — N.Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 1998, p. 152.
12. Vengerov A. B. Theory of the state and law: textbook for law schools / A. B. Vengerov. — 3rd ed. — М.: Jurisprudence, 2000. — p. 528.
13. Human rights: Textbook for universities / Ed. by E. A. Lukasheva. М., 1999. p. 60.
14. Cherdantsev A. F. Theory of the state and law: A textbook for universities. Moscow: Yurayt-M, 2001. p. 186.

Сведения об авторе

КУШХОВА Зайрат Анатольевна, Аспирант частного образовательного учреждения высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права», помощник судьи Сургутского городского суда, 628426, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Сургут, ул. Профсоюзов, д. 37, E-mail: kushhova.zairat@yandex.ru

KUSHKHOVA Zayrat Anatolyevna, Postgraduate student of the private educational institution of higher education «Yessentuki Institute of Management, Business and Law», Assistant judge of the Surgut City Court, 628426, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, Surgut, Trade Unions str., 37, E-mail: kushhova.zairat@yandex.ru

Бейсенбин К. А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Beysenbin K. A.

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

В статье проводится исследование актуальных проблем совершенствования концептуальных основ российского конституционализма. По мнению автора, в современных условиях, к основным направлениям совершенствования российской модели конституционализма и ее концептуальных основ следует отнести: переосмысление научных и нравственных основ либеральных принципов построения в России демократического государства и, соответственно, положений российского конституционализма; разработка проекта отечественной концепции построения демократического государства, положения которой опираются на самобытные гуманистические традиции народов России; правовое утверждение положений новой концепции и внесение соответствующих изменений в правовую систему государства.

Ключевые слова: российский конституционализм, демократия, капитализм, гуманизм, традиции, идеология.

The article studies the current problems of improving the conceptual foundations of Russian constitutionalism. According to the author, in modern conditions, the main directions of improving the Russian model of constitutionalism and its conceptual foundations should include: rethinking the scientific and moral foundations of the liberal principles of building a democratic state in Russia and, accordingly, the provisions of Russian constitutionalism; development of the draft of the domestic concept of building a democratic state, the provisions of which are based on the original humanistic traditions of the peoples of Russia; legal approval of the provisions of the new Russian constitutionalism.

Keywords: russian constitutionalism, democracy, capitalism, humanism, traditions, ideology.

Существенное влияние на процесс формирования концептуальных и правовых основ современной модели российского конституционализма, начавшийся после распада СССР, оказали западные традиции и философия Нового времени. При этом, конституционное провозглашение либеральных принципов построения демократического государства, вопреки ожиданиям

реформаторов, стало причиной зарождения и активного развития в постсоветской России большого числа негативных тенденций, получивших свое распространение во всех сферах общественной жизни. С каждым годом негативные тенденции стали принимать все более устойчивые формы и сегодня, безусловно, их можно отнести к угрозам национальной безопасности. Так,

в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится об «угрозе утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов»¹ в связи с насаждением и разрушительным воздействием чуждых для нашей страны идеалов и ценностей.

В свою очередь, следствием провозглашения либеральных принципов демократии стало множество юридических коллизий, устранение которых представляется как трудноразрешимая проблема. В частности, профессор С. А. Авакьян, не подвергая сомнению ценность основных принципов, указывает на грубейшие нарушения, имевшие место в ходе принятия Конституции РФ 1993 года, на дефекты самой Конституции и на дефекты конституционного регулирования [1. С. 27–38]. Стоит отметить, что проблемы, о которых говорит С. А. Авакьян не решены до настоящего времени. Профессор А. В. Малько и многие другие авторитетные ученые, в современных условиях, говорят о юридической аномии, ставшей следствием низкого уровня восприятия положений Конституции Российской Федерации и низкого качества законотворчества [4. С. 6–19].

Одной из главных причин развития негативных тенденций в результате провозглашения либеральных принципов демократии, не только в современной России, но и во многих других странах, где данные принципы нашли свое воплощение, является их слабая научная разработанность. Соответственно, отсутствие научных основ стало причиной произвольного толкования принципов формирования общественных отношений и причиной искажения их нравственных оснований.

Вместе с этим, в современных условиях, стало возможным использование искаженного толкования демократических принципов во внешнеполитической деятельности, когда речь идет об оправдании своих экспансионистских амбиций. Как правило, к такого рода практике, прибегают США и их союзники, что позволяет им безнаказанно игнорировать основополагающие принципы международного права.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, можно говорить о высокой актуальности проблем, связанных с совершенствованием концептуальных основ российского

конституционализма. Безусловно, основные положения современной концепции российского конституционализма, которые указывают на целесообразность построения отечественной модели демократического государства, должны в полной мере соотноситься с теми особенностями формирования и развития общественных отношений, которые опираются на самобытные гуманистические традиции народов России.

Целью данной статьи является исследование основных направлений совершенствования концептуальных основ российского конституционализма. Степень изученности данной проблемы нельзя считать достаточно высокой, поскольку, с одной стороны, можно говорить о наличии большого числа трудов, где проводится исследование самых различных аспектов проблемы развития концептуальных основ российского конституционализма. С другой стороны, необходимо отметить, что после распада СССР и принятия Конституции 1993 года, как правило, исследования проводятся, исходя из целесообразности утверждения в постсоветском обществе ценностей западной демократии, без их критического осмысления. К тому же, в российском научном сообществе, до настоящего времени, не выработан единый подход к толкованию понятий «конституционализм» и «российский конституционализм».

Тем не менее, во многих исследованиях отмечаются специфические черты существенных характеристик понятия «конституционализм», которые не соотносятся с российскими реалиями. Так, по мнению профессора Г. И. Муромцева, «конституционализм» представляет собой «модель государственной власти, которая сложилась на почве европейской правовой и политической культуры, и которая выступает вместе с этим как способ ее легитимации, исключительно в силу адекватности буржуазной стадии развития общества». При этом, к причинам неоднозначного толкования понятия «конституционализм» он относит: отсутствие в современной России демократических конституционных традиций, многозначность понятия конституции и слабую разработанность научно-методологических аспектов проблемы [7. С. 21–37].

Безусловно, можно согласиться с мнением профессора И. Л. Честнова о недопустимости универсализации либеральной модели конституционализма и о том, что

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (дата обращения 01.02.2025)

либеральные ценности свойственны исключительно западной правовой культуре. Конституционализм, как он считает, — это учение о конституции, которое призвано давать теоретическое обоснование ее сущности. При этом, содержание понятия «конституционализм» складывается в процессе исторического развития принципов организации социума. Данные принципы, говорит И. Л. Честнов, неизбежно рефлексированы в общественном сознании, получая самобытное выражение, и в свое время, через политические институты закрепляются в нормативно-правовых актах. А значит, считает И. Л. Честнов, если речь идет о человеческом обществе, то всегда можно говорить о существовании там конституционализма [8. С. 100–101].

Профессор Л. А. Морозова, наряду с проблемой отсутствия единого подхода к толкованию понятий «конституционализм» и «российский конституционализм», говорит и об отсутствии общепризнанной периодизации развития российского конституционализма. По ее мнению, Россия имеет достаточно богатый опыт развития конституционных идей и, в соответствии с этим, процесс развития российского конституционализма, согласно принципу теоретической преемственности, должен опираться на предыдущий опыт, в том числе, на опыт советского конституционализма. По убеждению Л. А. Морозовой, российский конституционализм, в процессе развития, хотя и приобрел свои характерные черты, все же, в современных условиях, нуждается в серьезной научной проработке. Как и другие российские ученые, Л. А. Морозова указывает на существенные дефекты действующей Конституции, включающие в себя несовершенство формулировок конституционных норм, принципов и других установлений [6. С. 3–10]. Таким образом, сложившаяся после распада СССР модель российского конституционализма, содержит в себе множество недостатков, главным образом, имеющих концептуальный характер, и нуждается в существенной научной проработке.

Наиболее актуальным направлением совершенствования концептуальных основ российского конституционализма, в настоящее время, является проблема переосмысления научных и нравственных оснований либеральной концепции построения демократического государства. Положения новой российской концепции построения демократического государства должны опираться на принципы, которые

отвечают реалиям, существующим на территории Российской Федерации, и которые сформировались в процессе исторического развития, как самобытные гуманистически ориентированные традиции. Универсальный характер либеральных принципов формирования и развития общественных отношений должен получить свое научное обоснование в контексте соотносимости своего официального толкования с подлинными гуманистическими ценностями и самобытными традициями, либо должен подвергнуться соответствующей корректировке.

В современных условиях в переосмыслении своих либеральных оснований нуждаются, фактически, все сферы общественной жизни. Например, в сфере политических отношений, своего научного и нравственного обоснования требуют положения, связанные с провозглашением в России западной модели демократии. В комментариях ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации к статье 1 Конституции РФ говорится о том, что провозглашение демократического политического режима означает: установление власти народа, наличие гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина, реализацию принципа разделения властей, обеспечение идеологического и политического многообразия, многопартийность и создание равных условий для политических партий. При этом, проведение выборов в представительные органы на всех уровнях публичной власти, является показателем демократичности современной России [3. С. 6].

Однако, сущность всех либеральных принципов такова, что они могут приобрести свои гуманистические основания и универсальный характер только при условии, если они реализуются в обществе, где все граждане, или их подавляющее большинство, уже достигли достаточно высокого уровня духовного развития. Уровень духовного развития современного человечества имеет достаточно низкие показатели, поскольку мы все еще не отказались от войн, работорговли, обмана и корыстолюбия, человеконенавистнических идеологий и т. д. В современных условиях, либеральные принципы демократии становятся удобным инструментом в руках людей, преследующих антигуманистические цели [2. С. 26–27]. К примеру, под предлогом установления власти народа политическую власть могут

узурпировать люди, для которых интересы государства и общества не имеют никакого значения. Этому способствуют либеральные стандарты избирательной системы. Права и свободы человека и гражданина, в условиях деидеологизации общества и нравственного упадка [9. С. 169], приобретают декларативный характер и, чаще всего, используются в корыстных целях. Так, принцип свободы мысли и слова становится удобным орудием в руках людей, для которых характерно девиантное поведение. Во внешнеполитической деятельности этот принцип активно используется для легитимации деятельности подконтрольных им общественных организаций, действующих на территории Российской Федерации, и в настоящее время получивших статус «иностранных агентов». Даже на бытовом уровне стало возможным оправдывать свои слабости или порочные качества ссылаясь на демократические права. Кроме всего, права и свободы человека и гражданина, в их либеральном толковании, исторически соотносятся с традициями западных государств, и не соотносятся с традициями народов России. Эгоизм, стяжательство, коммерческий практицизм и стремление к достижению материального успеха любой ценой, при котором нравственность воспринимается как удел неудачников и тому подобное, в рамках либеральных принципов демократии являются целесообразной установкой. Вопреки всему этому, для народов России исторически характерны такие качества личности, как коллективизм, доброта, бескорытность, самоотверженность и т. д.

В свою очередь, не соотносится с самобытными политическими традициями России принцип разделения властей, в своем либеральном толковании. Характерным явлением для нашей страны всегда было авторитарное правление. Дисбаланс в сфере распределения властных полномочий и сложившаяся в современных условиях практика государственного управления, безусловно, во многом противоречит либеральной теории сдержек и противовесов. Хорошим примером, в контексте изучения отечественных традиций, является советская модель сочетания самобытных демократических традиций и авторитарного правления. Система Советов в СССР, когда даже в школьном коллективе были укоренены традиции самоуправления, вполне соотносимая с древними об-

щинными традициями народов России, сочеталась с авторитарным правлением в лице коммунистической партии и прогрессивным развитием общества.

Особую актуальность, в современных условиях, имеет проблема критического осмысления экономических принципов западной демократии, нашедших свое отражение в статье 8 Конституции РФ¹. Результатом провозглашения данных принципов, без достаточного научного обоснования, стала легализация на территории России видов деятельности, которые не имеют гуманистических оснований, и которые с самых древних времен, с точки зрения традиционных духовных ценностей, подвергались осуждению (ростовщичество, спекуляция, эксплуатация частной собственности в целях наживы). Сегодня, следствием широкого распространения ростовщической деятельности стал устойчивый рост долговых обязательств российских граждан с одновременным ростом бесперспективных долгов². Отказ государства от регулирования цен и легализация финансовых спекуляций привели к неконтролируемому росту цен и обесцениванию «созидательного труда» при крайне низких доходах населения. Как следствие, «созидательный труд» приобрел уничижительные характеристики и потерял свою привлекательность, главным образом, для молодежи. Легализация возможности использования института частной собственности в целях «наживы» стала причиной активного развития в постсоветской России таких негативных явлений, как: кадастровый беспредел; присвоение за бесценок земельных участков и их перепродажа по рыночным ценам; перевод земель сельхозназначения в другую категорию и их распродажа; рейдерские захваты; «черное риэлтерство»; криминальные битвы за квадратные метры между родственниками и т. д.

В сложившихся условиях, необходимо говорить о принципиальном разграничении видов деятельности, которые имеют отношение к «созидательному труду», поскольку они согласуются с самобытными традиционными нравственными ценностями, и видов деятельности, которые проти-

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.02.2025)

² <https://rg.ru/2024/09/24/uroven-prosrochennoj-zadolzhennosti-po-kreditnym-kartam-aktivnorastet.html> (дата обращения 03.02.2025); <https://napca.ru/publishing/14890/> (дата обращения 03.02.2025)

воречат данному понятию. Сегодня, не вызывает сомнений целесообразность гуманизации общественных отношений в Российской Федерации и стратегическое значение данной проблемы. Так, в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», как в документе стратегического планирования, говорится о необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, а понятие «созидательный труд» включено в перечень традиционных ценностей¹, хотя, до настоящего времени, не имеет своего официального толкования в подзаконных нормативно-правовых актах.

Декларативный характер, в контексте либеральных принципов демократии, приобретают и цели социальной политики государства. И в данном случае у нас нет подзаконных нормативно-правовых актов, подробно разъясняющих положения статьи 7 Конституции РФ о социальном государстве и достойном образе жизни. Отсутствие четкого толкования понятия «социальное государство», отсутствие ориентиров достойного уровня жизни с обозначением каких-либо перспектив их достижения, отсутствие критериев социальной справедливости, является характерным для либерально-капиталистических отношений. Сущность капитализма в том и состоит, что он заведомо порождает феномен «отчуждения труда», когда в результате легализации видов деятельности, которые антагонистичны понятию «созидательный труд» (ростовчество, финансовые спекуляции...) деньги перестают быть эквивалентом труда, а «созидательный труд» теряет свою ценность. К тому же, установка о целесообразности обеспечения государством достойного уровня жизни при капитализме теряет свою гуманистическую сущность, поскольку господствующие финансовые элиты, стремятся не допустить установления достойного уровня заработной платы для граждан, занятых созидательным трудом (иначе кто пойдет за кредитом).

Не менее актуальными остаются проблемы развития негативных тенденций в сфере культурных отношений, что в свою очередь является следствием утверждения в российском обществе либеральных ценностей западной демократии. Наряду

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 04.02.2025)

с прочим, провозглашение идеологического многообразия неминуемо повлекло за собой широкое распространение идейных течений, оказывающих вредоносное воздействие на мировоззрение граждан и на процесс становления российской государственности. Как результат, многие граждане в современной России отдают предпочтение западным стандартам поведения, имеющим антигуманистические характеристики; становятся приверженцами мистических учений; активно отстаивают лжепатриотические идеи и т. д.

Следующим, важным направлением совершенствования концептуальных основ российского конституционализма, является разработка проекта отечественной концепции построения демократического государства, положения которой и должны отражать сущностные характеристики российского конституционализма, ее самобытные черты и особенности цивилизационного развития. Следует отметить, что современные научные представления о сущности и понятии демократии имеют противоречивые очертания. Профессор М. Н. Марченко, к примеру, считает, что демократия — это сложное и противоречивое понятие, и у него не может быть простого и единственно правильного определения. При этом, по мнению М. Н. Марченко, «представление о демократии как о форме государства является весьма односторонним, а представление о ней как о народовластии — слишком общим, непременно требующим определенной детализации и расшифровки» [13, с. 285].

Воспринятая в постсоветской России либеральная концепция построения демократического государства, подразумевающего существование гражданского общества и правового государства, учитывая вышеизложенные проблемы, не имеет практической перспективы. К тому же, понятие «гражданское общество» не нашло своего отражения в действующей Конституции РФ. Либеральные представления о самоформирующихся и саморазвивающихся институтах гражданского общества, с весьма размытыми ориентирами достижения своего развитого состояния, с установкой провозглашения прав и свобод человека и гражданина в их либеральном толковании без каких-либо ограничений, в условиях нравственного упадка и идеологического плюрализма, имеют не только утопические, но и спекулятивные характеристики.

Новая российская концепция построения демократического государства, наряду

с научной проработкой своих основных положений, должна получить и свои идеологические основания. Идеологическая сущность концепции, которая содержит в себе цели, задачи, принципы общественного развития и государственного устройства; определяет пути достижения поставленных целей и многое другое, являющееся характерным для идеологической концепции, имеет очевидный характер и не нуждается в каком-либо обосновании. О целесообразности утверждения в российском обществе государственной идеологии часто говорится на Петербургском международном юридическом форуме, на XVII международной научно-практической конференции «Державинские чтения» 22 ноября 2023 года об этом говорил профессор А. И. Бастрыкин¹.

Следующим направлением совершенствования концептуальных основ российского конституционализма является правовое утверждение новой концепции построения в Российской Федерации демократического государства и принятие соответствующего нормативно-правового акта. Безусловно, это потребует внесения существенных поправок в Основной закон госу-

¹ <https://legalforum.info/news/rossii-neobhodimosformirovat-gosudarstvennuju-ideologiju-i-zakrepit-ee-v-konstitutsii/> (дата обращения 04.02.2025); <https://www.pnp.ru/social/bastrykin-prizval-zakrepit-gosudarstvennuju-ideologiyu-v-konstitucii-rossii.html> (дата обращения 04.02.2025)

дарства, а также внесения соответствующих поправок в подзаконные нормативно-правовые акты.

Таким образом, к основным направлениям совершенствования концептуальных основ российского конституционализма можно отнести:

1. Переосмысление научных и нравственных основ либеральных принципов построения демократического государства в контексте их соотносимости с самобытными гуманистическими традициями народов России.

2. Разработка проекта отечественной концепции построения демократического государства, положения которой опираются на самобытные гуманистические традиции народов России, имеющие научное и нравственное обоснование. Высокую актуальность имеет определение и научное обоснование идеологического статуса данной концепции.

3. Претворение в жизнь положений новой концепции построения демократического государства в современной России и принятие соответствующего нормативно-правового акта, который станет основой для внесения поправок в Конституцию РФ и реформирования правовой системы государства в целях создания благоприятных условий для формирования и развития гуманистически ориентированных общественных отношений.

Литература

1. Авакьян, С. А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы / С. А. Авакьян // Вестник Московского университета. — Серия 11. — Право. — 2011. — № 1. — С. 27–38.
2. Бейсенбин, К. А. Политико-правовые и нравственные основания формирования гражданского общества в Российской Федерации: Монография / К. А. Бейсенбин. — Смоленск: Смоленская городская типография, 2016. — С. 26–27.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В. В. Путина; под ред. академика РАН Т. Я. Хабриевой) // «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М», 2021. — 300 с.
4. Малько, А.В., Липинский, Д.А., Иванов, А.А., Маркунин, Р.С. Низкое качество законодательства как одно из проявлений юридической аномии / А. В. Малько, Д. А. Липинский, А. А. Иванов, Р. С. Маркунин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2023. — № 2 (64). — С. 6–19.
5. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права / М. Н. Марченко. — М.: Юридическое издание Норма, 2019. — 330 с.
6. Морозова, Л. А. Теоретические проблемы становления и институциональные особенности российского конституционализма: понятие и периодизация / Л. А. Морозова // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2016. — № 15. — С. 3–10.
7. Муромцев Г. И. Конституционализм: проблемы методологии // «Право. Журнал Высшей школы экономики». 2014. № 1. С. 21–37.
8. Честнов, И. Л. Онтология конституционализма: диалогоантропологический подход / И. Л. Честнов // Криминалистика. — 2009. — № 1(4). — С. 100–101.
9. Юревич, А. В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества / А. В. Юревич // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 4. — С. 169.

References

1. Avak'yan S. A. Praktika konstitutsionnykh reform: nekotorye problemy // «Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo». 2011. № 1. S. 27–38.
2. Beysenbin K. A. Politiko-pravovye i npravstvennye osnovaniya formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii // Monografiya. Smolensk: Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2016. S. 26–27.
3. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynny): s uchetom izmeneniy, odobrennykh v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda (kollektiv avtorov; s obrashcheniem k chitatelyam Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina; pod red. akademika RAN T. Ya. Khabrievoy) // «Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: INFRA-M». 2021. S.6.
4. Mal'ko A. V., Lipinskiy D. A., Ivanov A. A., Markunin R. S. Nizkoe kachestvo zakonotvorchestva kak odno iz proyavleniy yuridicheskoy anomii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2023. № 2 (64). S. 6–19.
5. Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava. M.: Yuridicheskoe izdanie Norma, 2019. S. 285.
6. Morozova L. A. Teoreticheskie problemy stanovleniya i institutsional'nye osobennosti rossiyskogo konstitutsionalizma: ponyatie i periodizatsiya // Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs. 2016. № 15. S. 3–10.
7. Muromtsev G. I. Konstitutsionalizm: problemy metodologii // «Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki». 2014. № 1. S. 21–37.
8. Chestnov I. L. Ontologiya konstitutsionalizma: dialogo-antropologicheskiy podkhod // Kriminalist". 2009. № 1(4). S. 100–101.
9. Yurevich A. V. Empiricheskie otsenki npravstvennogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2018. № 4. S. 169.

Сведения об авторе

БЕЙСЕНБИН Кайрат Аманжолович, кандидат политических наук, доцент кафедры «Менеджмент и государственное и муниципальное управление», Смоленский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 214031, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 5. E-mail: kairat_ne@mail.ru

BEISENBIN Kairat, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of «Management and State and Municipal Management», Smolensk Institute of Economics — a branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. 214031, Smolensk, Smolyaninova St., 5. E-mail: kairat_ne@mail.ru

Кузнецов С. П., Белоскурская И. А.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Kuznetsov S. P., Beloskurskaya I. A.

FINANCIAL LAW: SELECTED ASPECTS AND CURRENT ISSUES

В данной статье рассматриваются основные аспекты финансового права, включая его понятие, сущность, функции, источники, принципы, ключевые финансовые институты (налоговое право, бюджетное право, страховое право, банковское право, валютное право), включающие финансовый контроль как инструмент регуляции финансовой системы, рассмотрев понятие финансового контроля, принципы, на которых базируется финансовый контроль, методы, с помощью которых осуществляется данный контроль и органы, с помощью которых производится регулирование финансовой системы законодательства нашего государства. Проводится краткий анализ актуальных проблем, с которыми сталкивается финансовое право в современных условиях, такие как налоговое регулирование и бюджетные процессы. Также предложены пути решения данных актуальных проблем в налоговом регулировании и бюджетных процессах. Авторами в статью включены рекомендации по совершенствованию законодательства, направленные на повышение эффективности финансового регулирования и обеспечения справедливости в финансовых отношениях. Сделан вывод, что финансовое право, регулирующее сложные и динамично развивающиеся общественные отношения в сфере формирования, распределения и использования финансовых ресурсов, играет ключевую роль в обеспечении стабильности и устойчивости государства. Анализ основных аспектов финансового права, таких как, налоговое регулирование и бюджетные процессы, показывает его многогранность и важность для функционирования экономики. Для повышения эффективности финансового регулирования и обеспечения справедливости в финансовых отношениях необходимо совершенствовать законодательство, повышать прозрачность и доступность информации, внедрять современные технологии в финансовый контроль, разрабатывать сбалансированную налоговую политику. Только комплексный подход к решению обозначенных проблем позволит создать эффективную и справедливую финансовую систему, способствующую устойчивому экономическому развитию государства и повышению благосостояния граждан.

Ключевые слова: финансовое право, аспекты финансового права, актуальные проблемы финансового права, финансовый контроль, вопросы правоприменения и защиты граждан, рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере финансового права, финансовые отношения, финансовая система, финансовое регулирование, финансовые институты.

This article discusses the main aspects of financial law, including its concept, essence, functions, sources, principles, key financial institutions (tax law, budget law, insurance law, banking law, currency law), including financial control as a tool for regulating the financial system, having considered the concept of financial control, the principles on which it is based financial control, the methods by which this control is carried out and the bodies by which the financial system of the legislation of our state is regulated. A brief analysis of the current problems faced by financial law in modern conditions, such as tax regulation and budgetary processes, is carried out. Ways of solving these urgent

problems in tax regulation and budgetary processes are also proposed. The authors of the article include recommendations for improving legislation aimed at improving the effectiveness of financial regulation and ensuring fairness in financial relations. It is concluded that financial law, which regulates complex and dynamically developing social relations in the field of formation, distribution and use of financial resources, plays a key role in ensuring the stability and sustainability of the state. An analysis of the main aspects of financial law, such as tax regulation and budgetary processes, shows its versatility and importance for the functioning of the economy. To increase the effectiveness of financial regulation and ensure fairness in financial relations, it is necessary to improve legislation, increase transparency and accessibility of information, introduce modern technologies into financial control, and develop a balanced tax policy. Only an integrated approach to solving these problems will make it possible to create an effective and fair financial system that promotes sustainable economic development of the state and improves the well-being of citizens.

Keywords: *financial law, aspects of financial law, actual problems of financial law, financial control, issues of law enforcement and protection of citizens, recommendations for improving legislation in the field of financial law, financial relations, financial system, financial regulation, financial institutions.*

Современная финансовая система характеризуется быстрыми изменениями, обусловленными технологическим прогрессом (цифровизация, криптовалюты), глобализацией и интеграцией финансовых рынков. Это требует постоянного совершенствования законодательной базы и адаптации ее к новым реалиям. Существующие нормы часто не успевают за изменениями, создавая правовой вакуум и неопределенность. Усложнение экономических процессов, появление новых финансовых инструментов и схем требует более тонких и эффективных механизмов финансового регулирования. Несовершенство правового поля может привести к финансовым кризисам, неэффективному использованию ресурсов и социальным проблемам. Финансовая стабильность является одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития. Эффективное финансовое право призвано предотвращать финансовые кризисы, обеспечивать защиту прав участников финансовых отношений и поддерживать доверие к финансовой системе. Распространение финансовых преступлений, таких как отмывание денег, уклонение от уплаты налогов, финансовое мошенничество, требует постоянного совершенствования законодательства и механизмов правоохранительной деятельности. В условиях глобальных вызовов и необходимости решения социальных задач, роль государства в экономике усиливается. Это повышает значение эффективного финансового регулирования, обеспечивающего надлежащее распределение и использование государственных

ресурсов. В итоге, изучение основных аспектов финансового права и анализ его актуальных проблем имеет первостепенное значение для обеспечения финансовой стабильности, экономического роста и социального благополучия. Актуальность темы подчеркивается необходимостью постоянного совершенствования законодательства и механизмов регулирования в ответ на динамично меняющиеся условия.

В рамках финансового права изучением основных аспектов данного права занимались И. И. Кучерова [1], Ю. А. Крохина [2]. Изучением финансовых институтов, входящих в финансовую систему, занимались С. В. Игнатьева и Н. Ю. Вашкович [3]. Рассмотрением финансового контроля, как части финансовой системы, занимались Е. М. Ашмарина [4], Е. Ю. Грачева [5], И. П. Довбий [6]. Выявлением актуальных проблем финансового права в сфере налогового регулирования уже занимались Л. Г. Михеева [7], Костин А. Ю. [8], Н. Н. Петрова [9]. Выявлением актуальных проблем финансового права в сфере бюджетного процесса занимались А. В. Смирнов [10], Н. С. Петрова [11], О. А. Иванова [12]. В данной статье делается акцент на практические проблемы финансового права, которые ранее не исследовались.

Целесообразность изучения отдельных аспектов и актуальных проблем финансового права, возникающих при возникновении финансовых правоотношений, в процессе создания, распределения и потребления экономических благ, обусловлена необходимостью устранения проблем и улучшения качества финансово-эконо-

мических отношений в финансовом законодательстве.

Научная новизна проведенного исследования заключается в изучении отдельных аспектов финансового права, выявлении существующих проблем и нахождения путей их решения.

Цель настоящей статьи заключается в изучении отдельных аспектов, выявлении и предложении вариантов решения основных проблем финансового права.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи: проанализировать отдельные аспекты финансового права, включая финансовый контроль, как инструмент регуляции финансовой системы; выявить практические проблемы, возникающие в результате общественно-экономических отношений, и сформулировать пути решения данных финансовых проблем.

При проведении исследования использовались общенаучные и частные методы: индукция, дедукция, анализ и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные автором выводы могут быть использованы для дальнейшей научной работы вопросов усложнения налогового законодательства, цифровизацией налоговой системы, отсутствием прозрачности в формировании и использовании бюджетных средств и др.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные выводы, могут быть использованы в правоприменительной практике, во-первых, для упрощения налогового законодательства, оптимизации цифровых технологий и систем, установления прозрачности в формировании и использовании бюджетных средств и др.

Финансовое право — совокупность правовых норм, регулирующих деятельность государства, муниципалитетов, юридических и физических лиц в процессе формирования и использования финансовых ресурсов. [1] Оно необходимо для устойчивого развития экономики в стране, обеспечения основы для производимых экономических операций, контроля производства, распределения и потребления общественно-экономических благ.

Сущность финансового права заключается в его роли как отрасли права, регулирующей финансовые отношения в обществе. Оно охватывает правила и нормы, касающиеся организации финансовой системы государства.

Основными функциями финансового права РФ являются: 1) аналитическая функция состоит в комментировании, классификации финансово-правовых норм, в приведении всех этих норм в стройную понятную систему [2]; 2) критическая функция заключается в выявлении недочетов в действующем финансовом законодательстве, фиксации несоответствия правовой нормы требованиям жизни [2]; 3) конструктивная функция способствует образованию новых финансово-правовых норм и институтов и др. [2]. Благодаря правильному исполнению данных функций государство поддерживает четкую экономическую политику развития и реализации финансового права. Данные функции регулируются основополагающим методом «власти и подчинения» — императивным методом, так как отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения и потребления экономических благ должны подчиняться нормативно-правовому законодательству беспрекословно во избежание правонарушений.

Финансовое право в нашем государстве регулируется Конституцией Российской Федерации статьями 5, 8, 15, 34, 41, 57, 71 и другими статьями главного закона нашей страны [13], Налоговым кодексом Российской Федерации [14] Бюджетным кодексом Российской Федерации [16], Федеральным законом Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» [17] и другими нормативно-правовыми актами нашего государства. Они формируют основы финансового законодательства, обеспечивают защиту и нормальное функционирование финансовой системы государства, составляют правовую основу финансовых отношений.

Финансовое право базируется на 4-х основных принципах: 1) федерализма, т. е. весь процесс производства, распределения и потребления экономических благ регламентируется нормами финансового права; 2) законности, т. е. органы нашего государства обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы страны; 3) плановость, т. е. подсчет доходов и расходов (бюджета) государства на предстоящий год; 4) гласности, т. е. открытый процесс обсуждения финансовых проектов. Данные принципы играют ключевую роль в организации и функционировании финансовой системы государства. Они служат основой для разработки и применения норм финансового законодательства и обеспечивают стабильность финансовых отношений.

По мнению И. В. Рукавишниковой, к числу традиционных институтов, составляющих основу (сердце вину) финансового права, относятся: бюджетное право, институт формирования государственных доходов, налоговое право (за исключением правоотношений, возникающих в сфере налоговых правонарушений), институт государственных расходов (включая бюджетное финансирование), институт финансового контроля за правильным собиранием доходов, распределением и использованием государственных расходов. [3]. С точки зрения теории права институт — это элемент отрасли права. Финансовое право это отрасль права, которая включает следующие звенья: бюджетное право, налоговое право, банковское право, страховое право, валютное право. В то же время эти составляющие финансового права самостоятельные отрасли права, имеющие свой предмет и методы правового регулирования. Кодифицировать финансовое право не представляется возможным. Исходя из изложенного, считаем, что система финансового права включает разделы: бюджетное право, налоговое право, банковское право, страховое право, валютное право.

Финансовый контроль — урегулированная нормами права деятельность государственных и муниципальных органов, общественных организаций, хозяйствующих субъектов и иных уполномоченных лиц, связанная с проверкой правильности, точности и своевременности формирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных денежных фондов с целью установления законности и эффективности осуществления финансово-экономической деятельности. [4]. Финансовый контроль необходим для предотвращения коррупционных действий в сфере экономики, предупреждения хищений, обеспечения законности и правопорядка в экономической деятельности.

Принципы финансового контроля те же, что и у финансового права. Различие лишь в том, что помимо универсальных принципов, используются специфические принципы в финансовом контроле, такие как независимость контроля [5], его суть в том, что орган, регулирующий данную деятельность, должен быть полностью самостоятелен и его статус должен быть закреплен в Конституции РФ; компетентность, его суть в том, что работники контроля данной сферы должны быть полностью профессионально компетентны, обязаны соблюдать

действующее законодательство государства; гласность (публичность) [5], его суть заключается в том, что вся деятельность контролеров, должна быть «прозрачной», то есть открытой для средств массовой информации и общества.

Данные принципы реализуются с помощью различных методов финансового контроля. Например, с помощью ревизии [6], т. е. проверка действий и финансовых операций организации за определенный период времени. Также, с помощью проверки и мониторинг-контроля [6], т. е. тотальная, длительная проверка организации на выявление совершенных нарушений в финансовой деятельности, а также другие методы финансового контроля. Таким образом, чаще всего, проверяются организации, которые являются подозреваемыми в спонсорстве террористических организаций.

Органы, которые осуществляют финансовый контроль: 1) Счётная палата РФ (постоянно действует, создан Федеральным Собранием РФ); 2) Министерство Финансов России (контроль разработки и принятия бюджета); 3) Федеральное казначейство (осуществляет контроль за предварительными и текущими операциями); 4) Федеральная налоговая служба (ФНС РФ) (осуществление контроля за налогоплательщиками); 5) Центральный банк РФ (регистрация банков, выдача лицензий, установление процентных ставок и др.).

Финансовое право сталкивается с рядом актуальных проблем, особенно в сферах налогового регулирования и бюджетных процессов.

Во-первых, рассмотрим несколько актуальных проблем финансового права в сфере налогового регулирования. Итак, первоначальной проблемой данной сферы является сложность и громоздкость налогового законодательства [7], так как оно часто дополняется, вследствие этого затрудняется понимание как для налогоплательщиков, так и для налоговых органов. В частности с 2007 года во вторую часть Налогового кодекса было внесено изменений в количестве 960, в 320 редакциях [15], Это может приводить к ошибкам и возможным злоупотреблениям со стороны налогоплательщиков. Также, второй проблемой данной сферы является уклонение от уплаты налогов и сборов [8], так как в наше время цифровизации существует множество схем оптимизации налогообложения и использования офшоров, которые наносят ущерб бюджету

государства. Третьей проблемой данной сферы является цифровизация и новые технологии [9], так как наше законодательство не в полной мере готово к новым реалиям, таким как криптовалюты и электронные платежи. Данные проблемы можно решить следующим образом, например, для решения первой проблемы необходимо провести ревизию действующего налогового законодательства с целью устранения устаревших норм и упрощения правил, чтобы создать более четкие и понятные нормы, доступные для большинства налогоплательщиков. Чтобы устранить вторую проблему данной сферы, необходимо увеличить меры контроля за налоговыми обязательствами и ужесточить наказания за уклонение от уплаты налогов, включая более активное использование автоматизированных систем мониторинга. Таким образом, данные меры могут значительно улучшить ситуацию в сфере налогового регулирования, повысить доверие налогоплательщиков к системе и сделать ее более эффективной и справедливой.

Далее рассмотрим несколько актуальных проблем финансового права в сфере бюджетных процессов. Итак, первоначальной проблемой данной сферы является отсутствие прозрачности в формировании и использовании бюджетных средств [10], что приводит к недоверию со стороны граждан и может стать причиной коррупции. Также, второй проблемой данной сферы является становление и развитие процессуальных норм бюджетного права [11], которая приводит к неэффективному использованию бюджетных средств, замедлению экономического развития и к конфликтам между различными уровнями власти. И третья проблема данной сферы заключается в неэффективности социальных программ [12], что приводит к нецелевому использованию средств, коррупции, увеличению социального неравенства путём протестов и митингов, а также к снижению доверия к государству. Таким образом, решение вышеперечисленных проблем требует активного участия как государственных органов, так и гражданского общества. Важно создать условия для открытого диалога, повышения ответственности и улучшения качества бюджетного управления, что приведет к более эффективному использованию бюджетных ресурсов и улучшению жизненного уровня населения.

По нашему мнению, с целью привлечения инвесторов и стабилизации налогов

в Российской Федерации с 2025 года не вносить изменения по ставкам в налогах на долгосрочный период, так как предсказуемость налоговой системы является одним из ключевых факторов, привлекающих инвестиции и способствующих экономическому росту. Частые изменения налоговых ставок создают неопределенность для бизнеса, затрудняют долгосрочное планирование и увеличивают риски инвестирования. Стабильная налоговая политика, напротив, позволяет компаниям точно рассчитывать свои налоговые обязательства, инвестировать в развитие и создавать новые рабочие места, не опасаясь непредвиденных расходов.

С целью упорядочения системы страхового права предлагается разработать единый федеральный закон «Об обязательном страховании в РФ», в котором будут объединены все действующие федеральные законы об обязательных видах страхования, такие как: 1) Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца транспортных средств» (ОСАГО) [18]; 2) Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [19]; 3) Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [20]; 4) Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» [21]; 5) Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [22]; 6) Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [23] и др. Создание данного единого закона необходимо для повышения эффективности регулирования, так как будет создана более стройная и логичная система регулирования, благодаря которой упростится процедура и повысится прозрачность, облегчатся осуществление надзора и контроля за деятельностью страховых организаций, что повысит уровень защиты прав потребителей страховых услуг. Данный единый закон упростит и унифицирует страховое законодательство. Поскольку кодифицировать финансовое право не представляется возможным, мы предлагаем эти части финансового права, которые являются самостоятельными отраслями права, такие как на-

логовое право, бюджетное право, страховое право, банковское право и валютное право, [3] наименовать разделами финансового права. Это не означает их полного поглощения, а скорее систематизацию и создание более четкой структуры в рамках общей концепции финансового права. Важно отметить, что предлагаемая систематизация не подразумевает потери самостоятельности указанных отраслей права. Они сохраняют свою специфику, особенности правового регулирования и подходы к правоприменению. Однако, их объединение в рамках общего «Финансового права» позволит получить более полную картину и улучшит понимание взаимосвязей между различными аспектами финансовой системы государства. Исходя из вышеизложенных рекомендаций, можно сделать вывод о том, что данные рекомендации предложены с целью улучшения инвестиционного климата в Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного полагаем, что наличие значительных проблем в финансовом праве, требуют незамедлительного решения. Несовместимость законодательства, его противоречивость и сложность, неэффективность механизмов контроля, а также новые вызовы, связанные с цифровизацией и глобализацией, создают риски для финансовой стабильности и справедливости финансовых отношений. Неадекватное реагирование на эти вызовы

может привести к негативным экономическим и социальным последствиям.

В заключение проведенного исследования, направленного на изучение отдельных аспектов и выявление путей решения актуальных проблем финансового права, можно констатировать следующее. Анализ отдельных аспектов финансового права, включая финансовый контроль как инструмент регуляции финансовой системы, подтверждает его ключевую роль в обеспечении стабильности экономики и реализации социально-экономической политики государства. Выявленные практические проблемы, возникающие в рамках общественно-экономических отношений, свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к их решению. Предложенные в настоящей статье варианты решения данных финансовых проблем направлены на повышение эффективности правового регулирования в финансовой сфере. Реализация данных предложений позволит оптимизировать функционирование финансовой системы, обеспечить устойчивый экономический рост и защитить интересы государства и общества. Дальнейшие исследования в этой области должны быть сосредоточены на разработке конкретных механизмов реализации предложенных решений с учетом динамично меняющихся условий современной экономики.

Литература

1. Аннаева, М. Финансовое право: основные функции и значение в правовой системе / М. Аннаева // Вестник науки. — № 1. (82) — 2025. — Том 2. — С. 52–58.
2. Давыдова, Д. Р. Общественное значение науки финансового права / Д. Р. Давыдова // Молодой ученый. — № 46 (180). — 2017. — С. 198–201.
3. Рукавишникова, И. В. Финансовое право: учебник / И. В. Рукавишникова. — М.: Норма: ИНФРА, 2025. — 430 с.
4. Филимонова, К. А. Понятие финансового контроля: проблема определения / К. А. Филимонова // Молодой ученый. — 2015. — № 11. — С. 1120–1122.
5. Камиллов, А. Ш. Понятие и принципы государственного финансового контроля / А. Ш. Камиллов // Образование. Наука. Научные кадры. — № 4. — 2023. — С. 136–138.
6. Григорьев, А. В., Самсонов, А. Г. Виды формы и методы финансового контроля, их систематизация / А. В. Григорьев, А. Г. Самсонов // Журнал прикладных исследований. — № 6–5. — 2021. — С. 412–418.
7. Тяжгов, А. З. Проблемы современной налоговой политики РФ. Пути её усовершенствования // Молодой ученый. — № 52. — 2022. — С. 145–146.
8. Хайруллина, Д. Х., Гришина, Е. А. Проблема уклонения от уплаты налогов и сборов // Уни-т управления «ТИСБИ», 2019. — С. 201–207.
9. Полянская, А. А. Проблемы цифровизации в налоговом праве / А. А. Полянская // Инновации. Наука. Образование. — № 34. — 2021. — С. 1713–1716.
10. Ямлиханова, А. Р., Нгуен, Ф. Х., Кастильо, Р. М. С. Нецелевое использование бюджетных средств: проблемы правового регулирования и ответственности / А. Р. Ямлиханова и др. // Наука и Просвещение, 2024. — С. 99–101.
11. Актуальные проблемы финансового права: монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022–208 с.
12. Барейко, О. А. Бюджетный процесс в России. Эволюция, проблемы и решения / О. А. Барейко // Актуальные вопросы современные экономики. — № 5. — 2023. — С. 52–59.

13. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
14. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // «Собрание законодательства РФ», № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
15. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
16. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.
17. Федеральный закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.02.1996, № 6, ст. 492.
18. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца в транспортных средствах» от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // «Собрание законодательства РФ», 06.05.2002, № 18, ст. 1720.
19. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 29.05.2024, с изм. от 08.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3803.
20. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 06.12.2010, № 49, ст. 6422.
21. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27.07.2010 № 225-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4194.
22. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2024 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.12.2001, № 51, ст. 4832.
23. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2007, N 1 (1 ч.), ст. 18.

References

1. Annaeva M. Financial law: basic functions and significance in the legal system // Bulletin of Science No. 1 (82) volume 2. 52–58. 2025 // URL: <https://www.vestnik-naukiRussianFederation/article/20600> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
2. Davydova D. R. The social significance of the science of financial law // Young Scientist. No. 46 (180). 198–201. 2017. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30595171> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
3. Rukavishnikova I. V. Financial law: textbook. Moscow: INFRA, 2025. 37. (In Russ.)
4. Filimonova K. A. The concept of financial control: the problem of definition // Young scientist. No. 11. 1120–1122. 2015. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23610395> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
5. Kamilov A. S. The concept and principles of state financial control // Education. Science. Scientific staff. No. 4. 136–138. 2023. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54999933> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
6. Grigoriev A. V., Samsonov A. G. Types of forms and methods of financial control, their systematization // Journal of Applied Research. No. 6–5. 412–418. 2021. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47453803> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
7. Tyazhgov A. Z. Problems of modern tax policy of the Russian Federation. Ways to improve it // Young scientist. No. 52. 145–146. 2022. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50051908> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
8. Khairullina D. H., Grishina E. A. The problem of tax and fee evasion // University of Management "TISBI". pp. 201–207. 2019. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41594468> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
9. Polyanskaya A. A. Problems of digitalization in tax law // Innovations. Science. Education. No. 34. 1713–1716. 2021. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46320659> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
10. Yamlikhanova A. R., Nguyen F. H., Castillo R. M.S. Misuse of budget funds: problems of legal regulation and responsibility // Science and Education. 99–101.

2024. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75127267> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
11. Gracheva E. Y. Actual problems of financial law: monograph. — Moscow: Norma: INFRAM, 2022. 208. (In Russ.)
12. Bareiko O. A. Budget process in Russia. Evolution, problems and solutions // Current issues of modern economics. No. 5. 52–59. 2023. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54380568> (date of reference: 08.01.2025). (In Russ.)
13. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended on 07/01/2020) // Popular vote. Moscow: Prospekt, 2024. Art. 5, 8, 15, 34, 41, 57, 71. (In Russ.)
14. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated 07/31/1998 No. 146-FZ (ed. dated 30.09.2024) // The State Duma of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2024. 1008. (In Russ.)
15. The Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 08/05/2000 No. 117-FZ (as amended on 10/29/2024) // The State Duma of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2024. 989. (In Russ.)
16. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 07/31/1998 (as amended on 12/26/2024, with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2025) // The State Duma of the Russian Federation. Moscow: AST, 2024. 448. (In Russ.)
17. Federal Law of the Russian Federation “On Banks and banking activities” dated 02.12.1990 No. 395–1 (as amended on 08.08.2024) // The State Duma of the Russian Federation. Moscow: Omega-L, 2022. 128. (In Russ.)
18. Federal Law of the Russian Federation “On compulsory insurance of civil liability of the owner of vehicles” dated 04/25/2002 No. 40-FZ (as amended on 11/30/2024) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2024. 96. (In Russ.)
19. Federal Law of the Russian Federation “On Compulsory Social insurance against industrial accidents and occupational diseases” dated 07/24/1998 No. 125-FZ (as amended on 05/29/2024) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: TsentrMag, 2023. 136. (In Russ.)
20. Federal Law of the Russian Federation “On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation” dated 11/29/2010 No. 326-FZ (as amended on 10/29/2024) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2024. 112. (In Russ.)
21. Federal Law of the Russian Federation “On compulsory insurance of civil liability of the owner of a dangerous object for causing harm as a result of an accident at a dangerous object” dated 27.07.2010 No. 225-FZ (as amended on 29.12.2022) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: TsentrMag, 2024. 48. (In Russ.)
22. Federal Law of the Russian Federation “On Compulsory Pension Insurance in the Russian Federation” dated 12/15/2001 No. 167-FZ (as amended on 10/29/2024) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2024. 44. (In Russ.)
23. Federal Law of the Russian Federation “On compulsory social insurance in case of temporary disability and in connection with maternity” dated December 29, 2006 No. 255-FZ (as amended on December 25, 2023) // State Duma of the Russian Federation. Moscow: TsentrMag, 2023. 60. (In Russ.)

Сведения об авторах

КУЗНЕЦОВ Сергей Петрович, канд. юрид. наук, доцент, Филиал Южно-Уральского Государственного Университета в г. Нижневартоске, Нижневартовск, Российская Федерация. energopravo@mail.ru

KUZNETSOV Sergey Petrovich, Ph D. jurid. PhD, Associate Professor, Branch of the South Ural State University in Nizhnevartovsk Nizhnevartovsk, Russian Federation. energopravo@mail.ru

БЕЛОСКУРСКАЯ Ирина Андреевна, студент бакалавриата кафедры «Экономика, менеджмент, право», направления подготовки 40.03.01 — Юриспруденция, Филиал Южно-Уральского Государственного университета в г. Нижневартоске, Нижневартовск, Российская Федерация. ira.beloskurskaya@yandex.ru

BELOSKURSKAYA Irina Andreevna, bachelor’s degree student of the Department of Economics, Management, Law, areas of study 40.03.01 — Jurisprudence, Branch of the South Ural State University in Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk, Russian Federation. ira.beloskurskaya@yandex.ru

УДК 340

Куракина С. И., Степанова М. П., Баршова О. А.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Kurakina S. I., Stepanova M. P., Barshova O. A.

ON THE ISSUE OF SUBJECTS OF REGIONAL LAW-MAKING

В статье анализируется институт регионального правотворчества с точки зрения его субъектного состава.

Низкая эффективность и противоречивость регионального правотворчества в России, по мнению авторов, может быть обусловлена, в том числе, отсутствием законодательного определения субъектов регионального правотворчества. Следует отметить, что в научной литературе также нет единства мнений ни по вопросу о понятии субъекта регионального правотворчества, ни о видах таких субъектов.

Авторы, в рамках данной статьи, делают попытку самостоятельного системного подхода к определению перечня субъектов регионального правотворчества; ведут размышления о различиях между «субъектами правотворческого процесса» и «участниками правотворчества»; делают вывод, что судебные органы — это своего рода «негативные» правотворцы. В статье предлагаются несколько авторских классификаций субъектов регионального правотворчества, а также, авторское определение понятия «субъекты регионального правотворчества».

Ключевые слова: правотворчество, региональный правотворческий процесс, субъекты регионального правотворчества, «негативное» правотворчество, судебный контроль

The article analyzes the institute of regional lawmaking from the point of view of its subject composition.

According to the authors, the low efficiency and inconsistency of regional law-making in Russia may be due, among other things, to the lack of a legislative definition of the subjects of regional law-making. It should be noted that there is also no consensus in the scientific literature either on the concept of the subject of regional law-making, or on the types of such subjects.

Within the framework of this article, the authors attempt an independent systematic approach to determining the list of subjects of regional law-making; reflect on the differences between “subjects of the law-making process” and “participants in law-making”; conclude that judicial authorities are a kind of “negative” law-makers. The article offers several author’s classifications of subjects of regional law-making, as well as the author’s definition of the concept of “subjects of regional law-making”.

Keywords: law-making, regional law-making process, subjects of regional law-making, “negative” law-making, judicial control

Понятие субъектов регионального правотворчества не определено на законодательном уровне, поэтому необходимо обратить внимание на доктринальные подходы к толкованию этого понятия. Отметим, что понятие субъектов регионального правотворчества является специальным по отношению к общему понятию субъектов правотворчества.

Р. Л. Иванов достаточно просто определяет, кого следует относить к субъектам правотворчества: «субъекты правотворчества — это субъекты права (физические лица и организации), обладающие правотворческой компетенцией» [1. С. 9]. Д. Н. Грачев тоже предлагает весьма лаконичное определение: «субъект правотворчества — это лицо или организация, кото-

30

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

рые имеют право создавать и изменять правовые нормы» [2. С. 438]. Позиция Д. Н. Грачева подразумевает только позитивное правотворчество, поскольку ученый пишет лишь про создание и изменение правовых норм. В то же время негативное правотворчество, подразумевающее возможность отмены правовых норм, не упоминается в определении этого правоведа.

Исходя из предложенных научными исследователями определений субъектов правотворчества, можно сформулировать следующее авторское определение понятия субъекты регионального правотворчества: индивидуальные и коллективные субъекты права, обладающие региональной правотворческой компетенцией.

В доктрине редко проводится различие между субъектами правотворческого процесса и участниками правотворчества. Исследователи полагают, что эти понятия являются идентичными. Однако предлагается разграничивать эти понятия. В случае с субъектами регионального правотворчества подразумеваются те лица, которые своими ключевыми решениями создают, изменяют или прекращают действие правовых норм. Иными словами, эти субъекты принимают ключевые решения, имеющие юридическое значение. В то же время, участники регионального правотворческого процесса играют вспомогательную, косвенную роль в принятии таких решений (к таким участникам можно отнести, например, ученых и технических специалистов, которые помогают в подготовке проекта правового акта).

В научной литературе нет единства мнений ни по вопросу о понятии субъекта регионального правотворчества, ни о видах таких субъектов.

Обратим внимание на ключевые подходы ученых к дифференциации субъектов регионального правотворческого процесса. А. А. Горин [3. С. 123] не предлагает какую-либо систему таких субъектов, а просто перечисляет их:

1) народ; 2) органы государственной власти субъекта РФ; 3) отдельные должностные лица субъекта РФ; 4) органы местного самоуправления; 5) общественные организации; 6) предприятия, учреждения, организации; 7) судебные органы. На наш взгляд, упоминание «народа» в качестве субъекта регионального правотворчества не совсем корректно. Ранее уже было установлено, что субъектом правотворчества может быть только индивидуальное лицо

или коллективное образование. В то же время, понятие «народ» представляется слишком неопределенным. Р. Л. Иванов исследовал вопрос о понятии народа как субъекта правотворчества. Ученый пришел к выводу о том, что необходимо объединить народ (электорат) с иными органами публичной власти, «не забывая при этом о его уникальных особенностях как властвующего субъекта» [2].

В. Н. Самсонов и Е. В. Самсонова [4. С. 141] предлагают использовать термин «участники правотворческого процесса» и предлагают их систематизировать, исходя из их функциональной роли в процессе: 1) правотворческие лица субъектов РФ, законодательные органы государственной власти субъектов РФ; 2) участники, оказывающие содействие правотворческим лицам субъектов РФ (например, эксперты, избирательные комиссии); 3) лица, осуществляющие нормоконтроль и привлекающие к правотворческой ответственности; 4) лица, отстаивающие свои или чужие правотворческие интересы (например, группы граждан, общественные объединения и др.). Исходя из анализа научной работы В. Н. Самсонова и Е. В. Самсоновой, можем сделать вывод о том, что ученые употребляют понятия «субъекты регионального правотворчества» и «участники регионального правотворчества» в качестве синонимов.

У Е. В. Каминской [5. С. 12] встречается деление субъектов правотворческой деятельности на две группы: 1) субъекты, которые участвуют в правотворчестве в силу нормативно закрепленных полномочий; 2) субъекты, участвующие в процессе в силу законодательного наделения их только правотворческой инициативой.

Важно обратить внимание на то, что в юридической литературе дифференцируются субъекты регионального правотворчества и субъекты регионального законодательства. М. Ф. Казанцев пишет о следующих субъектах регионального законодательства: 1) законодательный (представительный) орган субъекта РФ; 2) граждане, обладающие правом участвовать в референдуме субъекта РФ. В качестве исполнительных правотворческих органов субъекта РФ ученый называет: 1) высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; 2) высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ; 3) исполнительные органы государственной власти субъекта РФ, подчиненные высшему должностному лицу

и (или) высшему исполнительному органу государственной власти субъекта РФ [6. С. 415]. На наш взгляд, данное разграничение понятий строится на различии подходов к понятию «правотворчество». Так, в широком смысле в правотворчество включаются действия не только по принятию законодательных актов, но и действия по принятию различных подзаконных актов (например, указов губернатора). В то же время в узком смысле правотворчество приравнивается исключительно к законотворчеству. Следовательно, указ губернатора уже не будет включаться в систему законотворчества, и сам губернатор не будет выступать как субъект правотворчества.

Каждый из представленных научных подходов имеет право на существование. Вместе с тем, стоит обратить внимание на отсутствие четкого системного подхода к определению перечня субъектов регионального правотворчества. На наш взгляд, существование этой проблемы обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, отсутствием единого определения понятия «правотворчество», широта границ этого понятия. Во-вторых, подход, дифференцировавший участников регионального правотворческого процесса в зависимости от их функциональной роли, не учитывает того обстоятельства, что та или иная группа субъектов может выполнять несколько функций в рамках правотворческого процесса. В-третьих, практически все подходы называют широкий круг субъектов правотворческого процесса. Этот факт создает впечатление, что даже каждый отдельный гражданин уже выступает субъектом правотворческого процесса. К примеру, можно ли сказать, что гражданин, участвующий в социологическом опросе, на основании которого было принято решение о необходимости создания законопроекта, является субъектом регионального правотворчества? Ответ на этот вопрос зависит от того, какого подхода к определению стадий правотворчества придерживается ученый и отводит ли правовед какую-либо роль такому гражданину в региональном правотворческом процессе.

Дискуссионным вопросом в юридической литературе выступает вопрос об отнесении к субъектам правотворчества судебных органов. Е. С. Решетова полагает, что к субъектам регионального правотворчества следует относить «верхов-

ные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, арбитражные суды субъектов РФ» [7. С. 135]. В то же время В. С. Нерсесянц полагает, что суды, согласно действующему законодательству, осуществляют исключительно правоприменительную деятельность, в противном случае бы нарушался принцип разделения властей [8. С. 34].

В качестве примера действий судебных органов в качестве субъектов регионального правотворчества можно привести несколько актов. Так, Верховный Суд РФ в одном из определений [9] оставил в силе решение нижестоящего суда, которым были признаны недействующими некоторые положения Закона Красноярского края от 7 июля 2009 года № 8–3618. В качестве обоснования в акте указывалось на противоречие закона субъекта РФ федеральному законодательству. В частности, обеспечение детей в каникулярное время является полномочием региональных органов и осуществляется за счет регионального бюджета, и не может быть делегировано на местный уровень. Еще одним примером можно назвать Определение ВС РФ от 30 августа 2017 года № 43-АПГ17-9 [10]. В данном акте оставлено в силе решение о признании недействующими ряда пунктов одного из Положений, утвержденных Постановлением Правительства Удмуртской Республики. Согласно материалам дела, Положение, которое было утверждено, устанавливало обременительные требования для детей-сирот по вопросам получения жилых помещений. Такие требования противоречили федеральному законодательству, поскольку субъекты РФ не имеют права устанавливать такие обременительные требования и ограничения на реализацию права на получение жилого помещения. Субъекты РФ в соответствии с федеральным законодательством могут лишь определять порядок установления факта невозможности проживания детей-сирот в занимаемых ранее жилых помещениях.

Приведенные акты свидетельствуют о том, что суды действительно могут оказывать влияние на региональную правотворческую деятельность. Однако обратим внимание на то, что суды не создают новых норм права. В этом ключе судебные органы — это своего рода «негативные» право-

творцы. Следовательно, суды могут выступать в качестве субъектов регионального правотворчества, но объем их правотворческой компетенции существенно ограничен. Обратим внимание на то, что ответ на вопрос о том, могут ли суды быть субъектами регионального правотворчества, зависит от того, какой смысл исследователь вкладывает в понятие «правотворчество». Например, если ученый считает, что правотворчество обязательно должно включать в себя формирование новых общеобязательных правил поведения, то суды не будут являться субъектами регионального правотворчества. При этом, если тот же ученый полагает, что определение соответствующего понятия может быть ограничено и негативным правотворчеством, то суды следует относить к субъектам правотворчества.

Аргумент о том, что признание суда субъектом регионального правотворчества противоречит принципу разделения властей, может быть опровергнут следующими рассуждениями. Суд, выступая в качестве «негативного» правотворческого органа, прежде всего, реализует функцию нормоконтроля. Разделение властей предполагает четкое разграничение функционала каждой ветви: функция законодательной власти — создание правовых норм, функция исполнительной власти — претворение этих правовых норм в жизнь. Такая дифференциация функций оставляет в стороне функцию нормоконтроля. Эту функцию осуществляет судебная власть. Соответственно, тезис о том, что суд — это субъект регионального правотворчества, органично вписывается в концепцию о том, что в Российской Федерации судебные акты не являются источниками права. Судебный акт — это лишь результат выполнения судом функции нормоконтроля. Судебные органы выполняют одновременно две функции: нормоконтроля и «негативного» правотворчества. При этом четко разграничить эти функции достаточно трудно, поскольку чаще всего результатом нормоконтроля выступает «негативное правотворчество». В то же время и нормоконтроль и «негативное правотворчество» можно рассматривать как процессы.

Все эти рассуждения необходимы, чтобы сделать вывод о том, что именно тесная связь нормоконтроля и «негативного правотворчества» приводит к дискуссии о том, можно ли называть суд субъектом регионального правотворчества. На наш взгляд,

разрешить эту дискуссию можно путем признания нормоконтроля — особым этапом правотворчества. Соответственно, суд, осуществляющий нормоконтроль, осуществляет одновременно и правотворческую деятельность.

Поскольку как уже отмечалось, найти единое основание для дифференциации субъектов регионального правотворчества невозможно, считаем необходимым предложить авторские варианты оснований для классификации этих субъектов.

Лиц, задействованных в процессе регионального правотворчества, предлагается делить на основании их юридической роли в этом процессе на: субъектов регионального правотворчества и участников регионального правотворчества.

Во-вторых, в зависимости от формы организации считаем возможным разграничивать коллективных и индивидуальных субъектов регионального правотворчества. Например, к коллективным субъектам можно отнести Законодательное Собрание Пермского края, а к индивидуальным — губернатора Пермского края.

В-третьих, в зависимости от компетенции субъектов регионального правотворчества можно поделить на общих и специальных. Для специальных субъектов регионального правотворчества правотворческая деятельность является основной, а общие субъекты помимо правотворческой деятельности могут реализовывать иные функции. Например, Правительство Пермского края обладает правом законодательной инициативы, но ключевые функции этого органа сосредоточены в сфере исполнительной власти.

Таким образом, предлагается следующее авторское определение понятия «субъекты регионального правотворчества»: индивидуальные и коллективные субъекты права, обладающие региональной правотворческой компетенцией. В науке не представлено устоявшегося взгляда на систему субъектов регионального правотворчества в силу неопределенности терминологии и отсутствия единой субстанциональной основы для этой системы. Предлагается несколько авторских классификаций субъектов регионального правотворчества: 1) в зависимости от формы организации; 2) в зависимости от компетенции субъектов. Помимо этого, предлагается разграничивать лиц, задействованных в процессе регионального правотворчества, на участников и субъектов регионального правотворчества

в зависимости от их юридической роли в этом процессе. Обосновано, что судебные органы могут выступать в качестве субъектов регионального правотворче-

ства в качестве субъектов «негативного» правотворчества. В этой связи предлагается считать нормоконтроль особым этапом правотворчества.

Литература

1. Иванов, Р. Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды / Р. Л. Иванов // Вестник ОмГ У. — Серия. — Право. — 2022. — № 2. — С. 9–16.
2. Грачев, Д. Н. Понятие субъекта правотворчества / Д. Н. Грачев // Молодой ученый. — 2024. — № 23. — С. 438–455.
3. Гогин, А. А. Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. — М.: Проспект, 2016. — 330 с.
4. Самсонов, В.Н., Самсонова, Е. В. Участники правотворческого процесса субъектов РФ / В. Н. Самсонов, Е. В. Самсонова // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2007. № 9. С. 141.
5. Каменская Е. В. Региональное правотворчество в Российской Федерации: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7.
6. Казанцев, М. Ф. Региональное законодательство и правотворчество в России: основные теоретические характеристики и юридические свойства / М. Ф. Казанцев // *Антиномии.* — 2012. — № 12. — С. 415–420.
7. Решетова, Е. С. Субъекты регионального правотворческого процесса / Е. С. Решетова // *Ученые записки Тамбовского отделения РоСМ У.* — 2018. — № 11. — С. 135–140.
8. Нерсисянц, В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / В. С. Нерсисянц // *Судебная практика как источник права.* — 1997. — С. 34–42.
9. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2017 года № 53-АПП7–20 [Электронный ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/fdb4bc447921260fa439a14e30dbfb41/?ysclid=m4e9fmdcb4310161208> (дата обращения: 07.12.2024).
10. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2017 года № 43-АПГ17–9 [Электронный ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/b4f0c61cb285e882dcef7de8ac406ef6/?ysclid=m4e9oo2li0434058474> (дата обращения: 07.12.2024).

References

1. Ivanov R. L. Subekty pravotvorchestva: ponjatie i vidy // Vestnik OmG U. Serija. Pravo. 2022. № 2. S. 9
2. Grachev D. N. Ponjatie sub#ekta pravotvorchestva // Molodoj uchenyj. 2024. № 23. S. 438.
3. Gogin A. A. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. A. V. Mal'ko, D. A. Lipinskogo. M.: Prospekt, 2016. S. 123.
4. Samsonov V. N., Samsonova E. V. Uchastniki pravotvorcheskogo processa sub-ektov RF // *НОМОТНЕТИКА: Filosofija. Sociologija. Pravo.* 2007. № 9. S. 141.
5. Kamenskaja E. V. Regional'noe pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: voprosy teorii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2005. S. 7.
6. Kazancev M. F. Regional'noe zakonodatel'stvo i pravotvorchestvo v Rossii: osnovnye teoreticheskie harakteristiki i juridicheskie svojstva // *Antinomii.* 2012. № 12. S. 415.
7. Reshetova E. S. Sub#ekty regional'nogo pravotvorcheskogo processa // *Uchenye zapiski Tambovskogo otdelenija RoSM U.* 2018. № 11. S. 135.
8. Nersesjanc V. S. Sud ne zakonodatel'stvuet i ne upravljaet, a primenjaet pravo (o pravoprimeritel'noj prirode sudebnyh aktov) // *Sudebnaja praktika kak istochnik prava.* 1997. S. 34.
9. Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.05.2017 goda № 53-APP7–20 [Jelektronnyj resurs] URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/fdb4bc447921260fa439a14e30dbfb41/?ysclid=m4e9fmdcb4310161208> (data ob-rashhenija: 07.12.2024).
10. Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30.08.2017 goda № 43-APG17–9 [Jelektronnyj resurs] URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/b4f0c61cb285e882dcef7de8ac406ef6/?ysclid=m4e9oo2li0434058474> (data ob-rashhenija: 07.12.2024).

Сведения об авторах

КУРАКИНА Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15, E-mail: kursi@inbox.ru

KURAKINA Svetlana, candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law, Department of Perm State National Research University 15, Bukireva str., Perm, 614990, E-mail: kursi@inbox.ru

СТЕПАНОВА Мария Петровна, начальник отдела обеспечения деятельности департамента по общим и юридическим вопросам департамента образования администрации города Перми, 614045, г. Пермь, ул. Сибирская, 17, E-mail: myshkinamarija@mail.ru

STEPANOVA Mariia, Head of the Department for the operational support of the Department of General and Legal Affairs of the Department for Education of Perm City Administration, 614045, Perm, Sibirskaia, 17, E-mail: myshkinamarija@mail.ru

БАРШОВА Оксана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно — правовых дисциплин, доцент Средне — Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6, E-mail: oxanabarshova@yandex.ru

BARSHOVA Oksana, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Associate Professor of the Sredne — Volzhsky Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) 430003, Saransk, Fedoseenko str., 6, E-mail: oxanabarshova@yandex.ru

Неровная Н. Н.

ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН, ПРИЗЫВАЕМЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ

Nerovnaya N. N.

GUARANTEES OF THE RIGHTS OF CITIZENS CALLED UP FOR MILITARY SERVICE ON MOBILIZATION

Данная статья посвящена вопросам гарантии прав граждан, призываемых на военную службу. В данной работе мобилизация рассматривается как одна из форм обязанности и долга по защите Отечества. Несмотря на то, что предоставляются достаточные гарантии для граждан, призванных по мобилизации, в законодательстве имеют место быть нормы подлежащие доработке.

Ключевые слова: мобилизация, гарантии для мобилизованных, военная служба, долг, обязанность, защита Отечества

This article is devoted to the issues of guaranteeing the rights of citizens called up for military service. In this paper, mobilization is considered as one of the forms of duty and duty to protect the Fatherland. Despite the fact that sufficient guarantees are provided for citizens called up for mobilization, there are norms in the legislation that need to be finalized.

Keywords: mobilization, guarantees for the mobilized, military service, commitment, duty, protection of the fatherland

Глава 2 Конституции Российской Федерации (Далее — Конституция) посвящена правам и свободам человека и гражданина. [1, ст. 59]. Однако, как отмечал С. А. Авакьян, вместе с такими категориями как «права» и «свободы» Конституция применяет такие термины как «обязанность», «долг». Порой можно отметить их совместное применение. В качестве примера можно привести положения ст. 59 Конституции. В представленной норме речь идёт о таком долге и обязанности как защита Отечества [2].

Как отмечают специалисты в области военного права, категория долг и обязанность не случайно употребляются в одном ряду по отношению к защите Отечества. Подобный подход позволяет поставить защиту Отечества на особое место среди других конституционных обязанностей [3]. В. Г. Стрекозов в своих работах выдел два подхода к реализации обязанности по защите Отечества: в условиях войны и мирное время [4].

В связи с политическими событиями в мире особое значение приобретают во-

просы защиты Отечества, связанные с боевыми действиями. Так, 24 февраля 2022 Президент Российской Федерации В. В. Путин принял решение о проведении специальной военной операции на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины (Далее — СВО) [5].

В ходе СВО стала очевидной бесперспективность мирного пути урегулирования конфликта на Украине ввиду ядерного шантажа со стороны властей Украины, а также постоянными попытками со стороны Западных держав, так или иначе, дестабилизировать Российскую Федерацию. На это справедливо указал Президент Российской Федерации В. В. Путин в своём обращении от 21 сентября 2022 [6]. В связи с чем стало необходимым проведение мобилизации в Российской Федерации.

Само решение о проведении частичной мобилизации было реализовано в форме Указа Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21 сентября 2022 [7].

36

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ (Далее — Закон о мобилизации) мобилизация определяется как комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени [8].

При первичном анализе данного понятия можно сделать вывод о том, что цель мобилизации как процедуры состоит в реорганизации экономики и системы государственного управления. В научной литературе же отмечается, что конечной и итоговой целью является мобилизация именно людских ресурсов [9; 282].

Согласно ч. 2. ст. 17 Закона о мобилизации на военную службу по мобилизации призываются граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации. Исходя из анализа данной нормы следует, что к мобилизации привлекаются лица, которые уже проходили ранее службу в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации и на момент мобилизации не принимают в ней непосредственного участия. То есть данные лица получают доход от иных видов деятельности (Например, трудовая или предпринимательская деятельность). Вследствие всего вышесказанного следует два очевидных вывода: 1) мобилизованные граждане не смогут заниматься своей привычной деятельностью в мирное время; 2) у всякой мобилизации есть свой срок и после демобилизации обозначенных граждан необходимо будет снова возвращаться к своему мирному делу. Также необходимо учесть тот факт, что у мобилизованных граждан могут быть семьи, которые они обеспечивают. В связи с чем, представляется необходимым для лиц подлежащих мобилизации реализовать возможность наиболее быстрого возврата в мирную жизнь, а также нормальную жизнь их семьям на время боевых действий. Для чего необходимо обеспечить мобилизованных граждан теми или иными юридическими гарантиями.

Под юридическими гарантиями тради-

ционно в научной литературе понимаются признание и закрепление прав, свобод, а также обязанностей человека в Конституции и других нормативных актах государства и обеспечение их реализацией всей правоохранительной деятельностью данного государства, общественно-политическими организациями, их должностными лицами и самой личностью [10; 120].

Если рассматривать сам Закон о мобилизации, Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обороне» от 31.05.1996 [11], а также Федеральный закон 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [12], то можно отметить, что о каких-либо гарантиях мобилизованным гражданам в данных нормативных актах речи не идёт. Также можно обратиться к Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [13], в котором заложены основные начала, посвящённые гарантиям военнослужащих, однако ни в этом законе, ни в тех актах, к которым отсылают нормы данного закона, не закреплены гарантии для граждан, призванных на военную службу по мобилизации.

Указанная проблема была частично решена в Указе Президента Российской Федерации 21 сентября 2022 г. № 647. В п. 2 данного акта по своему статусу мобилизованные граждане Российской Федерации. Пунктом 3 данного акта указано, что уровень денежного содержания граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, соответствует уровню денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту [7].

Представленные меры позволяют решить одну из двух обозначенных проблем — обеспечение семей мобилизованных лиц путём выплаты денежного содержания мобилизованным гражданам. Для решения проблемы, связанной с последующим возвращением же в мирную жизнь мобилизованных граждан, были приняты ряд законов. Так, были решены вопросы трудового и служебного права [14]. Речь в первую очередь идёт о возможности приостановления трудовых или служебных отношений на период мобилизации. Также для мобилизованных предоставлены «кредитные каникулы» [15]. В данных законах можно отметить одно концептуальное отличие: нормы о приостановлении трудовых и служебных отношениях распространяются на мобилизованных граждан, а нормы,

посвящённые «кредитным каникулам», имеют своё распространение на лиц, которые участвуют в проведении СВО. Таким образом, во втором случае количество лиц ограничено территориальным местопребыванием. Более того, нормы о «кредитных каникулах» рассчитаны на однократное применение в рамках лишь одного события, а именно СВО. Учитывая историю человечества, значительную часть из которой занимают боевые действия под тем или иным названием, то представляется нецелесообразным вводить законы, рассчитанные на однократное применение.

Также необходимо отметить, что в связи с проведением СВО периодическим атакам со стороны Украины (Обстрелы артиллерией, вылазки диверсионно-разведывательных групп) подвергаются и приграничные с зоной проведения СВО субъекты Российской Федерации. Вследствие чего в проведении СВО принимают также участие помимо мобилизованных, контрактников участвуют и солдаты срочной службы. При этом у солдат срочной службы не такие социальные гарантии как у мобилизованных или солдат контрактной службы.

Таким образом несмотря на то, что в ходе мобилизации граждане выполняют

свои обязанности и долг по защите Отечества, государство в свою очередь также должно выполнить со своей стороны ряд определённых обязанностей. Такие обязанности заключаются в предоставлении мобилизованным гражданам тех или иных юридических гарантий. Указанные гарантии призваны решить две задачи: 1) обеспечение семей, в отсутствие их кормильцев; 2) возвращение в мирную жизнь демобилизованных лиц.

На сегодняшний день Российской Федерации предоставляется обширный перечень таковых гарантий, однако необходимо отметить, что есть ряд юридических гарантий (Например, предоставление «кредитных каникулах»). Учитывая историю человечества, значительную часть из которой занимают боевые действия под тем или иным названием, то представляется нецелесообразным вводить законы, рассчитанные на однократное применение. Также необходимым представляется распространить гарантии прав мобилизованных граждан на солдат срочной службы, которые участвуют в боевых действиях на приграничных с Украиной территориях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2022).
2. Конституционное право России. Учебный курс (Авакьян С. А.) (учебное пособие в двух томах, том первый; издание седьмое, перераб. и доп.). — М.: Норма: ИНФРА-М, 2021, 864 с. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77204672/paragraph/3346/doclist/1506/showentries/0:0> (дата обращения: 11.11.2022).
3. Ефремов А. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». — 2021 // URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77212525/paragraph/8974:1> (дата обращения: 11.11.2022).
4. Стрекозов В. Г. Священный долг по защите Отечества в Конституции СССР // Военная мысль. — 1979. — № 6. — С. 26–33.
5. Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 11.11.2022).
6. Обращение Президента Российской Федерации от 21.09.2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69390> (дата обращения: 11.11.2022).
7. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 // Российская газета. — 22 сентября 2022 г. — № 213.
8. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 1997 г. — № 9. — Ст. 1014.
9. Гаврюшенко П. И. Мобилизации как одно из важнейших направлений обеспечения обороны и безопасности государства и правовые основы ее регулирования в Российской Федерации / П. И. Гаврюшенко // Евразийское Научное Объединение. — 2020. — № 2–4(60). С. 279–282.
10. Хазов Е. Н. Юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина и механизм их реализации // Вестник Московского университета МВД России. — № 5. — С. 120–123.
11. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Российская газета. — 6 июня 1996 г. — № 106.
12. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ // Российская газета. — 2 июня 1998 г. — № 104.

13. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1 июня 1998 г. № 22. — Ст. 2331.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10 октября 2022 г. — № 41. — ст. 6941

15. Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10 октября 2022. — г. № 41. — ст. 6939.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 11.11.2022).
2. The constitutional law of Russia. Training course (Avakian S. A.) (textbook in two volumes, volume one; seventh edition, revised and supplemented). Moscow: Norma: INFRA-M, 2021, 864 p. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77204672/paragraph/3346/doclist/1506/showentries/0:0> (date of request: 11.11.2022).
3. Yefremov A.V. Commentary to Federal Law No. 53-FZ dated March 28, 1998 "On Military Duty and Military Service". 2021 // URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77212525/paragraph/8974:1> (date of request: 11.11.2022).
4. Strekozov V. G. The sacred duty to protect the Fatherland in The Constitution of the USSR // Military thought. 1979. N 6. pp. 26-33.
5. Address of the President of the Russian Federation dated 02/24/2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (date of request: 11.11.2022).
6. Address of the President of the Russian Federation dated 09/21/2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69390> (date of request: 11.11.2022).
7. On the announcement of partial mobilization in Of the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation dated September 21, 2022 // Rossiyskaya Gazeta. September 22, 2022, No. 213.
8. On mobilization training and mobilization in Russian Federation: Federal Law No. 31-FZ dated 02.26.1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation dated March 3, 1997. — No. 9. — Art. 1014.
9. Gavryushenko P. I. Mobilization as one of the most important areas of ensuring the defense and security of the state and the legal basis for its regulation in Of the Russian Federation / P. I. Gavryushenko // Eurasian Scientific Association. — 2020. — № 2-4(60). Pp. 279-282.
10. Khazov E. N. Legal guarantees of human and civil rights and freedoms and the mechanism of their implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — No. 5. — pp. 120-123.
11. On Defense: Federal Law No. 61-FZ of May 31, 1996 // Rossiyskaya gazeta. — June 6, 1996 — No. 106.
12. On Military Duty and Military Service: Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 // Rossiyskaya gazeta. — June 2, 1998 — № 104.
13. On the status of military personnel: Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — June 1, 1998, No. 22, article 2331.
14. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 379-FZ of October 7, 2022 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — October 10, 2022 — No. 41. — art. 6941
15. On the specifics of fulfilling obligations under credit agreements (loan agreements) by persons called up for military service on mobilization in The Armed Forces of the Russian Federation, persons participating in a special military operation, as well as their family members, and on amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 377-FZ of October 7, 2022 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — October 10, 2022. — city No. 41. — art. 6939.

Сведения об авторе

НЕРОВНАЯ Наталья Николаевна, доцент кафедры конституционного права и муниципального права, кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, г. Челябинск. e-mail: nataly2005.71@mail.ru

NEROVNAYA Natalia Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Municipal Law, Candidate of Law, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk. e-mail: nataly2005.71@mail.ru

39

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Половникова Н. В.

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТРАНСПОРТНОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

Polovnikova N. V.

CONTRACTUAL REGULATION OF RELATIONS RELATED TO WITH THE TRANSPORT MOBILITY OF THE POPULATION

Статья посвящена вопросам договорного регулирования в сфере транспортной мобильности населения. Автор проводит сравнительный анализ договора каршеринга и договора использования электросамокатов, а также раскрывает понятие «оператор СИМ». Особое внимание уделяется правовому регулированию вопросов создания специализированных парковочных мест для электросамокатов. Автор указывает на существование пробелов при взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с операторами электросамокатов. В связи с этим, сделаны предложения по дополнению законодательства нормами об включении в Гражданский кодекс Российской Федерации норм о договоре каршеринга и договоре об использовании электросамокатов.

Ключевые слова: каршеринг, транспортная мобильность населения, оператор СИМ, электросамокат, специализированная парковка.

The article is devoted to the issues of contractual regulation in the field of transport mobility of the population. The author conducts a comparative analysis of the carsharing agreement and the contract for the use of electric scooters, and also reveals the concept of a “SIM operator”. Special attention is paid to the legal regulation of the creation of specialized parking spaces for electric scooters. The author points out the existence of gaps in the interaction of state authorities and local governments with electric scooter operators. In this regard, proposals have been made to supplement the legislation with norms on the inclusion in the Civil Code of the Russian Federation of norms on carsharing agreements and agreements on the use of electric scooters.

Keywords: carsharing, transport mobility of the population, SIM operator, electric scooter, parking.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» обеспечение транспортной мобильности в Российской Федерации является одним из ключевых направлений социально-экономического развития на-

шей страны. Это связано с необходимостью удовлетворить одну из основных потребностей населения — транспортную потребность, связанную с бесперебойным, доступным и эффективным процессом перемещения из одного пункта в другой. При этом, основным вызовом, препятствующим развитию транспортной мобильно-

сти, можно назвать отсутствие гармонично развитой дорожно-транспортной инфраструктуры, а также транспортной системы, способной контролировать степень загруженности транспортных сетей в различное время, а также отсутствие эффективного правового регулирования в данной сфере.

В последние несколько лет одним из возможных путей решения вопросов, связанных с повышением транспортной мобильности, можно назвать кикшеринг («kick scooter sharing» — передача другому самокатов), который заключается в предоставлении населению крупных городов в краткосрочную аренду средств индивидуальной мобильности — СИМов (например, электросамокатов). Несмотря на возросшую популярность, на данный момент в законодательстве остается много пробелов, связанных с регламентацией эксплуатации СИМов. Учитывая повышенное внимание к проблемам использования СИМов в качестве общедоступного транспорта, возникает необходимость рассмотреть данные вопросы более подробно. Прежде всего, необходимо остановиться на анализе правовой природы тех отношений, которые возникают в рамках эксплуатации СИМов на примере электросамокатов.

1. Отношения по предоставлению электросамокатов. Исходя из содержания фактических отношений, связанных с эксплуатацией электронных самокатов, пользователь получает право на краткосрочное владение электросамокатом с целью передвижения из пункта А в пункт Б. Такого рода сервис предоставляется пользователю так называемым «оператором транспортного сервиса» (например, Eleven, Whoosh). При этом, в действующем законодательстве практически отсутствуют нормы, регламентирующие данные отношения. Проводя аналогию с краткосрочной арендой автомобилей (каршерингом), правовым основанием для которой предусматривается либо прокат, либо договор краткосрочной аренды, можно предположить, что для получения права владения электросамокатом также может быть назван договор краткосрочной аренды или проката. При этом, как для использования каршерингового сервиса, так и для эксплуатации электросамокатов представляется крайне важным определить на законодательном уровне вид договора, которым оформляются такого рода отношения, возникающие между участниками.

Примечательным является то, что в юридической научной литературе существуют различные точки зрения на определение правовой природы «шеринговых отношений» автомобилей или электросамокатов.

Так, ряд авторов, отвечая на вопрос о правовой природе возникающих отношений и анализируя тексты отдельных договоров, размещенных на сайтах в сети Интернет, о предоставлении электросамокатов, высказывают сомнения относительно того, что эти отношения могут быть квалифицированы как прокат. Связано это с тем, что в некоторых договорах операторами используется термин «самообслуживание» при использовании электросамокатов, означающее бесконтактное взаимодействие сторон. [3, с. 24–27]

Другие указывают на то, что договор передачи во временное владение и пользование СИМ, заключаемый сторонами с использованием мобильного приложения, является смешанным, сочетающим в себе условия договора проката и лицензионного договора [1, с. 19–25].

Аналогичные суждения о смешанной природе договора каршеринга также высказаны в специализированной литературе [2, с. 342]. Наиболее подходящей моделью для целей каршеринга является прокат, однако особенности объекта договора и положения статья 628 Гражданского кодекса Российской Федерации не позволяют в полной мере отнести договор краткосрочной аренды к договору проката [4, с. 37].

Следует отметить, что в судебной практике сложился подход, согласно которому деятельность каршеринговых организаций направлена на получение прибыли от реализации договоров аренды транспортных средств без экипажа (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 г. по делу № 88–23968/2023, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2022 г. по делу № 88–32447/2022 // СПС «КонсультантПлюс»).

Исходя из фактических отношений и правового регулирования, можно обозначить основные признаки, объединяющие договор каршеринга и договор пользования электросамокатом:

– основной чертой является специальная договорная конструкция публичного договора, приведенная в статье 426 Гражданского кодекса Российской Федерации;

– имеет место эксплуатация источника повышенной опасности и организация посреднической деятельности по возмездному предоставлению транспортного средства;

- дистанционная оплата;
- оферта оператора содержит все существенные и иные условия договора и предполагает присоединение лица ко всем предложениям, адресованным неопределенному кругу лиц;
- краткосрочность предоставления транспортного средства и электросамоката;
- возможность парковки в любом месте в определенной зоне.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что эксплуатация электросамокатов не охватывается ни одной из юридических конструкций, предусмотренных в действующем законодательстве.

Отметим, что вопросы предоставления земельных участков под специализированные парковки для электросамокатов заслуживают отдельного обсуждения, поскольку порядок их предоставления не унифицирован в действующем законодательстве и регламентируется органами местного самоуправления на свое усмотрение различными способами. Например, путем заключения договоров аренды и передачи земельных участков, находящихся в муниципальной собственности во временное пользование операторам электросамокатов либо путем внесения изменений в нормативные акты муниципалитетов, касающиеся правил благоустройства и создания в рамках городской инфраструктуры специализированных парковок для электросамокатов за счет средств местных бюджетов. Автор полагает, что на федеральном уровне следует четко регламентировать вопросы, касающиеся взаимодействия органов местного самоуправления и операторов электросамокатов.

2. Определение правового положения оператора транспортного сервиса. В нормативных правовых актах отсутствует определение понятия «оператор транспортного сервиса». Кроме того, при определении субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих посреднические функции между потребителем и исполнителем услуги, их обозначают различными терминами. Так, статус «владельца агрегатора» закреплен Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». В отношении предпринимательской дея-

тельности в сфере такси законодатель раскрывает понятие «служба заказа легкового такси»; понятие «оператор каршеринга» употребляется в нормативных актах Министерства транспорта Российской Федерации, но не детализируется. В тоже время в отношении оператора, предоставляющего во временное пользование лицу электросамокат, можно вести речь о пробеле в правовом регулировании относительно установления его статуса.

Автор предлагает рассмотреть следующую дефиницию понятия «оператор СИМ» — «юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие на профессиональной основе предпринимательскую деятельность по организационно-технологическому сопровождению, а также возмездной передаче в краткосрочное пользование электросамоката через систему электронного приложения путем предоставления возможности физическому лицу эксплуатировать электросамокат, а также совершать иные действия, предусмотренные договором краткосрочного пользования».

Представляется обоснованным закрепить повышенные требования к деятельности операторов каршеринга и электросамокатов как к организациям, предоставляющим во временное пользование объекты повышенной опасности. Данное регулирование возможно путем издания специального нормативного акта либо распространения на операторов требований, установленных статьей 20 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

3. Правовой статус электросамоката как транспортного средства. В решении Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2022 года, по делу № АКПИ22-66 указано, что электросамокаты с двигателями мощнее 250 Вт несут «высокую степень опасности причинения вреда жизни и здоровью граждан». В тоже время, Правила дорожного движения закрепляют не все категории электросамокатов в качестве транспортного средства. Мощность двигателя электросамоката является основополагающим критерием. Учитывая степень общественной опасности, представляется правильным в законодательстве закрепить единый статус электросамокатов в качестве транспортного средства.

Оператор каршеринга либо электросамоката как участник договорных правоотношений выступает в качестве субъекта предпринимательской деятельности, пе-

редающего транспортное средство общего пользования либо электросамокат в краткосрочное владение и пользование лица за плату на основе поминутной или почасовой тарификации, путем предоставления информационной доступности через цифровые платформы.

В качестве контрагента в данных отношениях выступают физические лица, арендующие транспортные средства либо электросамокат для личного использования.

Вместе с тем, существенными отличиями договора краткосрочной аренды электросамоката и каршеринга, является то, что в последнем случае статьей 644 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность поддержания надлежащего технического состояния автомобиля возложена на арендатора, как и обязанность по страхованию транспортного средства, тогда как в отношении пользователя электросамоката данное условие отсутствует.

Автор считает, что необходимо в качестве одного из условий допуска к управлению электросамокатом ввести обязательное страхование лиц, управляющих им, путем заключения посредством оферты типового договора аренды электросамоката с положениями о добровольном страховании.

Полагаю, что наличие обозначенных выше пробелов свидетельствуют о необходимости внесения изменений в суще-

ствующее регулирование, путем дополнения Гражданского кодекса Российской Федерации нормами, регулируемыми договор каршеринга и договор эксплуатации электросамокатов. В договоре краткосрочной аренды необходимо закрепить обязательные требования к деятельности операторов, безопасности оказания этих услуг, обязательному страхованию ответственности, допуску к управлению, техническому состоянию.

Кроме того, отдельно следует установить, что обязательным условием договора краткосрочной аренды электросамоката является идентификация лица, допускаемого к управлению электросамокатом через специализированную государственную систему, с помощью которой будет исключен допуск к управлению несовершеннолетних лиц. Также следует предусмотреть обязанность оператора по обучению лиц управлению электросамокатами и проведению предварительного тестирования на знание правил дорожного движения до начала допуска к управлению электросамокатом.

Закрепление в законодательстве норм, регламентирующих деятельность шеринговых компаний будет способствовать успешной реализации принципов безопасности дорожного движения, повышению дисциплины и уменьшению травматизма участников дорожного движения.

Литература

1. Вавилин, В.Е. К вопросу о правовой природе договора каршеринга / В. Е. Вавилин // Юрист. — 2024. — № 4. — С. 19–25.
2. Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: монография / А. А. Акимов, Е. М. Ануфриева, Г. С. Арстанова [и др.]; под общ. ред. В. В. Бондаренко, Е. М. Щербакова, Н. В. Колгановой, Т. В. Харитоновой. — М.: Прометей, 2019. — С. 342.
3. Карпеев, О.В., Нагорная, Т. С. Виды договора о передаче во временное владение и пользование средств индивидуальной мобильности (на примере электросамоката) / О. В. Карпеев, Т. С. Нагорная // Транспортное право. — 2022. — № 3. — С. 24–27.
4. Еркина, Т.Н., Губина, Т. К. Проблемы правового регулирования договора каршеринга / Т. Н. Еркина, Т.К. Губина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2021. — № 7. — С. 57.

Reference

1. Vavilin V. E. On the issue of the legal nature of the carsharing agreement // Lawyer. 2024. No. 4. pp. 19–25.
2. Globalization and institutional modernization of the Russian economy: theory and practice: monograph / A. A. Akimov, E. M. Anufrieva, G. S. Arstanova [et al.]; under the general editorship of V. V. Bondarenko, E. M. Shcherbakov, N. V. Kolganova, T. V. Kharitonova. Moscow: Prometey, 2019. pp. 342.
3. Karpeev O. V., Nagornaya T. S. Types of agreements on the transfer of temporary possession and use of personal mobility equipment (using the example of an electrosamo card) // Transport law. 2022. N 3. pp. 24–27.
4. Yarkina T. N., Gubina T. K. Problems of legal regulation of the carsharing agreement // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2021. No. 7. p. 57.

Сведения об авторе

ПОЛОВНИКОВА Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, главный консультант аппарата Законодательного Собрания Свердловской области, 620031, г. Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, 10, E-mail: polovnikova@zssso.ru

POLOVNIKOVA Natalia, Candidate of Law Sciences, Chief Consultant of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, 10 Boris Yeltsin St., Yekaterinburg, 620031, E-mail: polovnikova@zssso.ru

Воронин Ю. А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Voronin Yu. A.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL CRIMINALS AND THEIR TYPOLOGICAL VARIETIES

Современная ситуация в сфере противодействия российской профессиональной преступности свидетельствует, что эффективность этих усилий во многом зависит от глубины изучения вопросов, касающихся особенностей личности профессиональных преступников, их типологии и профилактических аспектов контроля над субъектами криминального профессионализма. Именно названные аспекты проблемы, на наш взгляд, относятся к числу наименее изученных как зарубежными, так и российскими специалистами в данной области. Сложившаяся ситуация во многом является результатом относительной ограниченности официальных статистических данных о криминальной активности именно профессиональных преступников. Результаты же криминологических опросов этих лиц также далеко не всегда бывают достаточно объективными. Указанные обстоятельства объясняют целесообразность более глубокого изучения личности профессиональных преступников и механизма их формирования.

Ключевые слова: профессиональная преступность; личность преступника; рецидив преступлений; детерминанты профессиональной преступности; меры противодействия криминальному профессионализму.

The current situation in the field of counteraction in the Russian professional crime indicates that effectiveness of these efforts largely depends on the depth of study of the issues related to personality characteristics of professional criminals, their typology and preventive aspects of control over subjects of criminal professionalism. In our opinion, these aspects of the problem are among the least studied by foreign and Russian experts in this field. The current situation is largely the result of relative limitation of official statistics of professional criminals. The results of criminological surveys of those individuals are not always objective enough too. The specified circumstances explain the expediency of a deeper study of the personality of professional criminals and the mechanism of their formation.

Keywords: professional crime; the identity of the criminal; recidivism of crimes; determinants of professional crime; measures to counter criminal professionalism.

В рамках существующего объема научных исследований профессиональной преступности, нельзя обойти вниманием актуальность изучения вопросов, касаю-

щихся особенностей личности профессиональных преступников и предупредительных, профилактических аспектов контроля над криминальным профессионализмом.

Между тем, именно названные аспекты проблемы, на наш взгляд, по-прежнему относятся к одним из наименее изученных как зарубежными, так и российскими специалистами. Сложившаяся ситуация во многом является результатом скудности официальных статистических сведений правоохранительных органов о преступных деяниях именно профессиональных преступников, а результаты опроса самих этих субъектов не всегда внушают доверие [13; С. 28–29]. Однако это обстоятельство не отменяют необходимости, целесообразности более глубокого изучения личности профессиональных преступников.

Профессиональный «воровской контингент» многообразен. Во многих регионах России профессиональная криминальная среда и исповедуемая в ней воровская мораль и криминальный образ жизни все чаще находят поклонников среди различных слоев населения, особенно среди молодежи. Отчасти такое положение специалисты связывают с общей тенденцией деформации нравственных устоев российского общества XXI века. По мнению некоторых российских криминологов, необходимо также учитывать тесную взаимосвязь профессиональной преступности с ростом алкоголизма, стремлением к ведению паразитического образа жизни [4; С. 273–274]. В целом же, на наш взгляд, можно констатировать, что этому негативному процессу способствует сложившаяся «уникальная» криминогенная ситуация, порождаемая социально-экономическими катаклизмами и деградацией нравственных устоев общества. Ведь профессиональная преступность это не просто совокупность преступных формирований и совершаемых ими преступлений. Это — живой криминальный организм, жизнеспособность которого зависит не только от экономического состояния общества, но, в значительной степени, от нравственно-духовных и мировоззренческих устоев его членов.

В качестве материалов исследования были использованы как российские, так и зарубежные источники уголовно-правового и криминологического характера, так или иначе затрагивающие вопросы уголовной ответственности при неоднократном совершении повторяющихся преступных деяний лицами, уже совершавшими подобные криминальные деликты в прошлом.

В качестве основных инструментов исследования нами были избраны такие общенаучные методики, как анализ и син-

тез, а также специальные методы социологического, статистического, формально-юридического характера.

Вряд ли логично было бы отрицать тезис о том, что исследование преступного поведения чрезвычайно значимо не только потому, что такое поведение является частью феномена личности преступника, но важно и то, что, одновременно, оно выступает и как источник формирования такой личности [1; С. 43]. Как справедливо отмечает С. В. Познышев, из этого с очевидностью вытекает то, что преступление всегда имеет два корня: один находится в личности преступника как таковой и сплетается из особенностей его конституции, а другой — состоит из внешних для данной личности факторов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности [10; С. 7]. Ведь процесс становления личности — это, во многом, и процесс ее социализации. Психологи выделяют три сферы становления личности: деятельность, общение, самосознание. При этом, общей характеристикой данных сфер является именно процесс расширения и умножения социальных связей. Что же касается овладения необходимыми знаниями, навыками и умениями для участия в постоянной или систематической преступной деятельности, то это обязательно предполагает усвоение не только технологии криминальной деятельности, но в то же время — идеологии и психологии преступников: норм поведения, общения, дисциплины, ценностной ориентации и других элементов специфической субкультуры.

В свете сказанного, вполне корректным, на наш взгляд, является использование очень давнего и устоявшегося определение личности преступника как личности человека, совершившего преступление вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам и выбора социально опасного способа реализации своего умысла или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата своего поведения [6; С. 27]. В равной мере это определение применимо к личности профессиональных преступников, без знания личностных особенностей и поведения которых нельзя построить социально-профилактические программы коррекции их личности, орга-

низовать эффективную борьбу с соответствующей разновидностью преступности.

Решая вопрос о понятии личности преступника и ее признаках, необходимо подчеркнуть главное: человеческая личность, в том числе личность преступника, является продуктом определенных социальных влияний, связей, отношений. При любой психолого-физиологической основы, различные социальные условия (воспитание, образование, окружение, образ жизни и т. д.) способны выработать как нравственно положительный, так и нравственно отрицательный облик личности, и, следовательно, в конечном итоге, именно эти условия определяют ее социальную сущность.

Наука и практика не выявили так называемой «заведомой преступной предрасположенности» человека. Нельзя отрицать того, что биологические характеристики откладывают определенный отпечаток на личность человека, имея в виду, в частности, возраст, пол, а также индивидуальные физические и психологические особенности. Однако, многочисленные исследования особенностей нравственного формирования личности все-таки дают основания сделать вывод, что сами по себе биологические свойства личности нельзя считать причинами преступного поведения человека. Самое большее — это то, что они иногда играют роль условий, способствующих или затрудняющих правильное нравственное формирование личности. Особенности возраста, пола, физического или психического развития, если они корректно учтены при организации воспитательной работы, могут сыграть положительную роль в формировании личности. Но именно личность преступника является тем звеном, в котором концентрируются реальные результаты влияния внешних социальных факторов, порождающие данный вид преступности в целом.

Многочисленными криминологическими исследованиями установлено, что в поведении преступника (в период формирования преступного намерения и совершения преступления) всегда взаимодействуют два социальных фактора: конкретная жизненная ситуация, играющая роль повода к совершению преступления, и личность с ее антиобщественными качествами, сложившимися под влиянием социальной среды. Вместе с тем, взаимодействие этих факторов опосредовано психической деятельностью мозга. Иначе говоря, личность — понятие многогранное. Она пред-

ставляет собой индивидуальное выражение социально значимых свойств, индивидуальную форму бытия общественных отношений, меру социальности человека [7; С. 37–42]. Личность же профессионального преступника — это целостная совокупность его взаимосвязанных социально значимых отрицательных свойств, которые во взаимодействии с внешними условиями и обстоятельствами обуславливают совершение специфически повторяющихся преступлений с корыстной мотивацией.

При изучении особенностей личности профессиональных преступников необходимо иметь в виду, что большинство из них вступили на преступный путь в раннем возрасте. Это в определенной мере предопределило их образ жизни в целом, постоянное совершение преступлений как характерную черту такого образа жизни. Специалистами отмечено, в частности, что именно лица, приобщившиеся к преступной деятельности в молодости, став профессионалами, совершают наиболее тяжкие преступления. С каждым разом у них все меньше проявляются желания исправить, изменить свое поведение [16; С. 55]. Формирование черт и ориентаций личности профессионального преступника, мотивов, типичных для совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений, обычно протекает в течение нескольких лет в результате специфических дефектов воспитания и негативной обстановки жизнедеятельности личности в конкретной среде, в том числе — в результате интенсивного отрицательного влияния активных носителей взглядов, привычек, традиций корыстолюбия и паразитизма. Причем, упомянутые дефекты и их негативное воздействие могут сказываться как в семейно-бытовой среде, так и по месту работы и учебы [5; С. 56].

К сожалению, в социуме пока не удается преодолеть объективные факторы, формирующие высокий уровень тревожности личности, а именно: значительное расслоение общества в связи с разными уровнями материальной обеспеченности, резко отличающимися объемом и качеством социальных услуг; социальная напряженность между людьми; потеря многими гражданами, особенно молодыми, положительных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, ослабление родственных, семейных и производственных связей, их социального контроля; постепенное возрастание числа тех, кто в современном

экономике не может найти себе места [1; С. 37].

Этим во многом объясняется и то обстоятельство, что профессиональных преступников характеризует деформированное нравственное и правовое сознание. Ведь большинству из них присущи искаженность ценностных ориентаций, откровенный эгоизм, интеллектуальная и волевая пассивность, большая зависимость от внешних ситуаций, неумение (а зачастую — нежелание) подчинять свое поведение социально полезным целям, отсутствие личных перспективных планов, слабости, неуравновешенность, легкомыслие, озлобленность, чрезмерная подверженность негативным влияниям и т. д. Для них также характерны алчность, стяжательство, жадность, жестокость, озлобленность, зависть, постоянное самооправдание и фатализм, слепая вера в удачу.

В свою очередь, перечисленное служит благодатной почвой для обострения общей ситуации. Наметившийся в последние десятилетия рост числа лиц, совершивших преступления, особенно — несовершеннолетних, а также ранее судимых преступников, свидетельствует о прогрессировании — количественном и качественном — процесса криминализации населения. То же самое касается среды профессиональных преступников, для которой все более характерным является увеличение доли рецидивистов. В данном случае речь идет прежде всего о наиболее опасных и активных профессионалах, сознательно противопоставляющих себя обществу, активно отрицающих морально-этические нормы. Для них характерна постоянная готовность к совершению преступлений, причем, способность совершать их под влиянием самых незначительных внешних поводов. Для подобных профессионалов характерна глубокая деформация индивидуальной сферы интересов и потребностей, негативизм, крайняя степень индивидуализма. У большинства из них завышена самооценка, развиты честолюбие, враждебность по отношению к окружающим, стремление поддерживать любой ценой авторитет в своей среде. Многие из них уверены в безопасности занятия преступной деятельностью, ее безнаказанности [16; С. 58].

И совершенно справедлива констатация исследователями того очевидного факта, что определяющей чертой, характеризующей ориентацию, «персонифицированный смысл бытия» профессиональ-

ных преступников, является ориентация на обладание материальными средствами как наиболее значимой ценностью. Иначе говоря, личностный смысл профессиональной преступной деятельности состоит в том, что осуществляющее его лицо стремится за счет этого обеспечить свои материальные потребности. Именно поэтому преступная деятельность как источник материального существования становится обязательным атрибутом криминального профессионализма. При этом, профессиональный преступник может полностью существовать за счет доходов от преступлений, а может лишь частично удовлетворять свои материальные потребности за счет этих доходов [3; С. 46].

Нравственная позиция профессиональных преступников характеризуется четко выраженной потребительской ориентацией, когда сумма материальных благ и возможностей рассматривается им как единственный критерий и содержание жизненного успеха. Такие лица признают допустимость (или даже предпочтительность) использования нетрудовых способов приобретения материальных благ. Конечно, за счет преступлений могут удовлетворяться и другие потребности личности. Но, наш взгляд, правы те авторы, которые справедливо не считают пусть даже повторяющееся удовлетворение в процессе преступной деятельности потребностей иного, не корыстно-материального, характера признаком профессиональной преступности [14; С. 10]. И, напротив, именно профессиональные преступники совершают в подавляющем числе случаев именно корыстные преступления — кражи, мошенничество, грабежи и т. д. Разумеется, эти лица могут совершать и корыстно-насильственные преступления, однако именно корысть является движущим мотивом, а насилие выступает лишь средством совершения подобных общественных опасных деяний [15; С. 10].

По мнению специалистов, рассмотренные выше нравственно-этические и мировоззренческие характеристики личности профессиональных преступников естественным образом корреспондируют с целым рядом тревожных тенденций, прежде всего — правового, демографического, культурологического плана.

Так, исследователи анализируемой проблемы справедливо включают в число таких тенденций:

– значительное увеличение среди профессиональных преступников числа

лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления;

– рост удельного веса среди профессиональных преступников ранее судимых лиц, повторно совершивших имущественные преступления в соучастии;

– активное вовлечение в число криминальных профессионалов высокообразованных специалистов в области новейших технологий, культуры и искусства;

– увеличение временного разрыва между совершением преступлений и последующим наказанием за это, а именно: в среднем, согласно оценкам специалистов, один рецидивист из числа профессиональных воров и мошенников совершает до 140 преступлений в год, за которые не привлекается к уголовной ответственности;

– омоложение профессиональных преступников, сопровождающееся устойчивостью криминального вида деятельности несовершеннолетних правонарушителей [1; С. 67]. Все это свидетельствует о расширенном «воспроизводстве» субъектов профессиональной преступности, их нарастающей общественной опасности. Профессиональная преступность уже имеет многовековую историю и в ее криминальной среде продолжает накапливаться опыт совершения характерных для нее деяний, разрабатываются, укрепляются и развиваются традиции, навыки и оправдывающая их система взглядов, соответствующая субкультура. Одновременно, вводятся новые способы совершения преступлений, широко используются технические новшества, современные средства связи, информация, содержащаяся в цифровых источниках.

Что же касается гендерных, образовательных, демографических характеристик субъектов профессиональной преступности, то они также имеют определенную специфику. Так, среди лиц, совершающих кражи, грабежи, разбойные нападения, доля женщин невелика, хотя именно женщины отличаются более стойкой антисоциальной направленностью. Вместе с тем, среди мошенников — в отличие от других категорий корыстных профессиональных преступников — показатель женского участия относительно высок (около одной трети). Мошенников характеризует относительно более высокий образовательный уровень, по сравнению с другими категориями субъектов криминального профессионализма. В то же время, среди них велика доля лиц, фактически нигде не рабо-

тающих (около половины), а также рецидивистов с конкретной специализацией.

Среди признаков, характеризующих профессиональных преступников, существенное значение имеет их возраст. В научной литературе неоднократно отмечалась определенная связь возраста с характером преступлений и криминальной активностью их субъектов. Возраст во многом определяет физическое состояние и возможности лица, его социальное положение в обществе, влияет на круг его интересов, потребностей, жизненные установки и ценностные ориентации. Известно, что с изменением возраста происходит и изменение самой личности — меняются ее социальные позиции, роли и функции, опыт и привычки, мотивация поступков. Так, проведенные исследования свидетельствуют, что возрастные особенности преступников-профессионалов оказывают существенное влияние на мотивационно-целевую сторону их криминальной деятельности, на способы совершения и степень их подготовленности к совершению преступлений, а также на роль и место во внутренней иерархии группы или преступного сообщества.

Согласно результатам анализа уголовных дел, для профессиональных преступников наиболее характерным является возрастной период с 18 до 49 лет. Их наибольшая преступная активность наблюдается в возрасте от 30 до 49 лет. Наименьшую долю среди преступников составляют лица старше 50 лет. Далее, по данным официальной статистики, средний возраст воров, совершивших кражи личного имущества граждан, равнялся 29 годам, что ниже среднего возраста всех выявленных преступников (32,6 %) и всего активного мужского населения страны (34,8 %). Среди осужденных за кражу, скупку и перепродажу культурных ценностей 96 % составили лица до 30 лет, среди осужденных за кражи и разбойные нападения с проникновением в жилище — 70 % [8]. Даже среди воров в законе средний возраст не превысил 35 лет. Омоложение корыстных преступников — очевидный показатель социальной дезориентации части молодежи. К стати, абсолютное большинство так называемых «авторитетов» уголовного мира первые преступления совершило именно в несовершеннолетнем возрасте.

Составной частью криминологического анализа личности профессионального преступника является установление особенностей образовательного уровня этой

категории лиц. В этой связи, можно определенно констатировать, что наиболее характерным для них является наличие общего среднего образования (около 80 %). Лица, совершающие вымогательство, имеют следующий уровень образования: среднее образование — 62 %, неполное среднее — 22 %, незаконченное высшее — 9 %, высшее — 7 % [12]. Мошенников характеризует относительно более высокий образовательный уровень, по сравнению с другими категориями субъектов криминального профессионализма. В целом же, общий образовательный уровень профессиональных преступников достаточно высок: только пятая часть из них имеет образование ниже среднего. Данное обстоятельство объясняется тем, что успешная — на базе профессионализма — преступная деятельность требует предварительной подготовки, постоянного контроля над ситуацией, соответствующую интеллектуальную подготовку.

Семейное положение профессиональных преступников также позволяет проследить формирование многих личностных характеристик, ценностных ориентаций и мотивации их преступного поведения. Ведь формирование личности начинается в основной малой социальной группе — семье, где человек получает первый опыт общественного существования. Здесь закладываются основы его сознания, моральные и волевые качества, будущие мотивы поведения. Именно семья призвана оказывать наибольшее воспитательное воздействие на юное поколение, на процесс усвоения им положительных социальных установок. И напротив, как свидетельствуют криминологические исследования, неблагоприятные семейные условия — неполная семья, противоправный и аморальный образ жизни членов семьи, пренебрежение к общесоциальным ценностям, атмосфера стяжательства и корысти — характерны для значительного числа профессиональных преступников. Иначе говоря, семья — главное звено той причинной цепочки, которая выводит на понимание преступного поведения этой категории лиц. Отвергнутый родительской семьей индивид почти всегда попадает под сильное влияние антиобщественной группы, участники которой совершают преступления. Под влиянием подобной группы формируются установки и ценностные ориентации, включающие выбор именно криминальных способов разрешения возникающих жизненных ситуаций и проблем.

На формирование антиобщественных установок профессиональных преступников влияет также тесная связь с ранее судимыми лицами. У значительной части таких преступников один или оба родителя были судимыми или были судимы другие члены семьи. Именно ранее судимые, а нередко уже ставшие профессиональными преступниками лица, оказывались во многих случаях учителями начинающих правонарушителей. В общении с ними приобретались преступные навыки, осваивались традиции и законы преступной жизни.

Для формирования личности профессионального преступника особое значение имеет также такой факт его биографии, как пребывание в местах лишения свободы. По результатам проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов, на такую взаимосвязь указали почти 94 % респондентов. Неформальная среда осужденных является в основном той социальной базой, на которой формируется криминальный профессионализм. В свою очередь, криминальные профессионалы как бы управляет неформальной средой осужденных, придают ей ярко выраженный негативный характер и расценивают эту среду как наиболее приемлемую для своего воспроизводства.

Вместе с тем, разлагающая деятельность криминальных профессионалов не ограничивается только местами лишения свободы. В более широком контексте ее следует рассматривать в качестве самостоятельного социально-психологического фактора в механизме подбора и процессе формирования контингента профессиональных преступников [15; С. 30–44]. И, пожалуй, наиболее типичным, целевым результатом этого процесса формирования антиобщественной ориентации личности «новобранцев» в среде преступников-профессионалов является «воспитание» доминирующей мотивации их криминальной деятельности, а именно: корыстных мотивов во всех их проявлениях. Правда, временами корыстная мотивация переплетается с хулиганскими мотивом, позерством, групповой солидарностью в сочетании с безответственностью, легкомыслием. Но, повторяем, преобладающей части субъектов краж, грабежей, разбоев и мошенничества присущи все-таки корыстные побуждения. Сутью нравственно-психологической характеристики данных субъектов в большинстве случаев является их односторонняя примитивно-потребительская ориентация, стяжательство.

При этом, они не только утрачивают уважение к правовым нормам об охране собственности, жизни и здоровья граждан, но и не испытывают большого страха перед наказанием, надеясь на то, что не будут привлечены к ответственности за свои преступления. К сожалению, судя по данным уголовной статистики, для этого есть определенные основания. В частности, несмотря на то, что преступными формированиями фактически создана «индустрия» краж, однако раскрываемость этой категории преступлений оставляет желать лучшего: она составляет в целом менее 50 % [9]. И это не случайно. Ведь, как отмечалось ранее, криминальный профессионализм — это разновидность устойчивого, продуманного, организационно подготовленного социального паразитизма конкретных индивидов, дающего возможность качественно подготовить, совершить и укрыть следы преступления, как правило, уйти от уголовной ответственности и иметь постоянный материальный доход.

Что же касается типологических разновидностей профессиональных преступников, то, характеризуя общий нравственно-психологический облик, степень общественной опасности личности и спектр преступной деятельности субъектов данной категории, следует отметить, что среди них существует значительная дифференциация [2; С. 231].

Так, традиционными проявлениями профессиональной преступности являются карманные и квартирные кражи, кражи автомашин, кражи из сейфов, мошенничество, хищение антиквариата, наемные убийства, рэкет, хакерство и ряд других общественно опасных деяний, связанных с профессиональной подготовкой преступника. В свою очередь, профессиональные преступники разграничиваются по более узким профессиям-специализациям. Так, воровская профессия в настоящее время представлена более широким спектром криминальных направлений, чем ранее, и связана с накоплением знаний и умений совершения и сокрытия преступлений. Казалось бы, так называемые старые криминальные специализации должны отмирать, однако некоторые из них вновь возрождаются и получают распространение под влиянием как объективных, так и субъективных факторов. В воровских кланах продолжают существовать домушники, карманники, магазинщики [11; С. 170].

По степени общественной опасности личности преступников-профессионалов

и степени общественной опасности и характеру преступлений, на которых специализируются все эти т. н. «последовательно-криминогенные» субъекты, некоторые исследователи данной проблемы выделяют следующие достаточно условные разновидности этих лиц:

1) чрезвычайно опасный тип (профессиональные террористы, наемные убийцы, похитители людей, бандиты и т. п.;

2) особо опасный тип (лица, специализирующиеся на разбойных нападениях и грабежах, содержатели притонов, торговцы наркотиками, оружием и т. д.;

3) опасный тип (похитители автомашин, карманники, мошенники и др.) [17; С. 47–55].

Довершая картину личностных характеристик и типажей профессиональных преступников, уместно упомянуть некоторые достаточно типичные, биографически и психологически значимые стороны их индивидуальностей. В частности, большинство преступников-профессионалов в повседневной жизни маскируются под добропорядочных граждан, удачливых коммерсантов, бизнесменов и т. д. Некоторые из них маскируются под инвалидов с детства, психически больных. Причем, за поддельные документы, якобы подтверждающие эти характеристики, платятся солидные деньги. Их исполнение обладает высоким качеством: как правило, подделку можно обнаружить лишь с помощью специальных криминалистических методик. Некоторые из этих лиц формально числятся в коммерческих структурах, другие — находятся на нелегальном положении, гастролируя по регионам России, ближнего и дальнего зарубежья [11; С. 175].

Заключение и выводы

Подводя итог обзору исследований типологических характеристик личности субъектов профессиональной преступности, на наш взгляд, уместно констатировать следующее:

При всей кажущейся пестроты и своеобразии личностных типажей преступников-профессионалов, для этих лиц всегда характерно главное, а именно:

– стойкая криминально-корыстная и корыстно-насильственная направленность;

– они претендуют на те блага и в том объеме, которые лежат за пределами их легальных устремлений и возможностей;

– эта проблема решается ими путем избрания противоправных способов удовлетворения собственных желаний;

– у таких лиц отмечается явное преобладание материальных и ограниченность духовных потребностей;

– генерирование ими негативной социальной среды, в атмосфере которой протекает их жизнедеятельность, криминализация ими всего социума является

едва ли не основным и наиболее значительным вредом от профессиональной преступности;

– в этом плане, сами они выступают в качестве одного из важнейших элементов детерминации преступности в целом.

Литература

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. С. 43; 37; 67; 67.
2. Воронин Ю. А. Введение в криминологию. Москва, Изд-во «Флинта», 2008. С. 231.
3. Гуров А. И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. Москва. Юрид. лит. 1990. С. 46.
4. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2011. С. 273–274.
5. Комплексное планирование профилактики правонарушений //М., 1979. С. 56.
6. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Л., 1969. С. 27.
7. Личность преступника. М.: Юридическая литература. 1975. С. 37–42.
8. Официальный сайт Федеральной Службы Государственной Статистики // URL. www.gks.ru.
9. Официальный сайт МВД России / URL.: www.mvdinform.ru.
10. Познышев С. В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М.: ИНФРА — М, 2007. С. 7.
11. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российское криминологическое общество. 2003. С. 170, 175.
12. Сайт Криминон СНГ / URL.: www.criminon.ru
13. Тирских А. А. Профессиональная преступность как объект криминологического исследования // Российский следователь. 2008. № 20. С. 28–29.
14. Устинов В. С., Муравьев В. В. Рецидив преступлений. Новгород. 2001. С. 10.
15. Шеслер А. В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности. Тюмень. Тюменский юрид. институт МВД России. 2004. С. 10; 30–44.
16. Шигина Н. В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 55; 58.
17. Шнайдер Р. Технологии и социопроцессы ХХ1 века. Сборник докладов третьей научно-практической конференции. Бийск, 2001. С. 47–55.

References

1. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. The identity of the criminal. St. Petersburg: Law Center Press. 2004. pp. 43; 37; 67; 67.
2. Voronin Yu. A. Introduction to criminology. Moscow, Flint Publishing House, 2008. p. 231.
3. Gurov A. I. Professional crime: Past and present. Moscow. Jurid. lit. 1990. p. 46.
4. Dolgova A. I. Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security. Moscow: Russian Criminological Association. 2011. pp. 273-274.
5. Comprehensive planning of crime prevention //M., 1979. p. 56.
6. Leykina N. S. Criminal identity and criminal liability. The abstract. dis ... kand. jurid. nauk. L., 1969. p. 27.
7. The identity of the criminal. M.: Legal literature. 1975. pp. 37-42.
8. The official website of the Federal State Statistics Service // URL. www.gks.ru .
9. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia / URL.: www.mvdinform.ru .
10. Poznyshes S. V. Criminal psychology: criminal types. On the psychological study of personality as a subject of behavior in general and on the study of the personality of a criminal in particular. Moscow: INFRA — M, 2007. p. 7.
11. Crime, its organization and criminal society. Moscow: Russian Criminological Society. 2003. pp. 170, 175.
12. Criminon CIS website/ URL.: www.criminon.ru
13. Tirskikh A. A. Professional crime as an object of criminological research // A Russian investigator. 2008. No. 20. pp. 28-29.
14. Ustinov V. S., Muravyev V. V. Recidivism of crimes. Novgorod. 2001. P. 10.

15. Shesler A.V. Criminological characteristics and prevention of professional crime. Tyumen. Tyumen Law School. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004. pp. 10; 30-44.
16. Shigina N. V. Criminological problems of combating professional crime at the present stage. Diss. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2001. pp. 55; 58.
17. R. Schneider. Technologies and socioprocesses of the 21st century. Collection of reports of the third scientific and practical conference. Biysk, 2001. pp. 47-55.

Информация об авторе

ВОРОНИН Юрий Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск. E-mail: voroninya@yandex.ru

VORONIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: voroninya@yandex.ru

Денисович В. В.

ВИРТУАЛЬНЫЕ МИРЫ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Denisovich V. V.

VIRTUAL WORLDS AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Цифровые технологии являются, несомненно, шагом вперед в развитии человечества. От того как будут использованы те или иные продукты, будет зависеть качество жизни человека. Искусственный интеллект и его внедрение в повседневные процессы жизнедеятельности людей позволяют улучшить благосостояния и расширить возможности каждого из нас, однако не все действия с технологиями могут быть безопасны и не все риски пока просчитаны человеком. Так, в частности, до сих пор остается малоизученной темой использование VR-технологий в реализации возможностей человека. Виртуальная среда позволяет с помощью цифровых аватаров расширить круг общественных отношений, в которых мы участвуем, усилить технологические возможности людей. Однако не все правовые последствия применения этой технологии учтены, поскольку в виртуальном мире участвует цифровой двойник, а не сам человек. Представленная статья посвящена вопросам правового обоснования введения в теорию уголовного права понятия виртуальный мир и виртуальная среда, что позволит защитить человека от преступного посягательства в будущем.

Ключевые слова: цифровой мир, виртуальный мир, метавселенная, метagalactica, цифровые технологии, уголовное право, преступление, аватар

Digital technologies are undoubtedly a step forward in the development of mankind. The quality of a person's life will depend on how certain products are used. Artificial intelligence and its implementation into the daily processes of human life can improve the well-being and expand the capabilities of each of us, however, not all actions with technology can be safe and not all risks have yet been calculated by a person. So, in particular, the use of VR technologies in realizing human capabilities still remains a little-studied topic. The virtual environment allows using digital avatars to expand the range of public relations in which we participate, to strengthen the technological capabilities of people. However, not all the legal consequences of using this technology have been taken into account, since a digital double is involved in the virtual world, and not the person himself. The presented article is devoted to the issues of legal justification for the introduction of the concept of virtual world and virtual environment into the theory of criminal law, which will protect a person from criminal encroachment in the future

Keywords: digital world, virtual world, metaverse, metagalaxy, digital technologies, criminal law, crime, avatar

54

Уголовно-правовые
науки

VR-технологии в современной реальности занимают свое достаточно большое пространство в жизни человека, что обусловлено рядом социально-психологических, терминологических, демографических и иные аспектов. Это социально активная форма досуга взрослых людей

различных возрастов, которая стала интересна и подросткам. Одной из привлекательных наиболее привлекательных черт такой формы общения в виртуальной среде является использование цифрового двойника человека, который может быть любим, с абсолютной вариацией

свойств и качеств, невозможных в реальной жизни.

Если рассматривать категориально-понятийный аппарат виртуальной среды, в которой может находиться человек с использованием цифровых аватаров [4. С. 7], кто возникает плюрализм терминов и определений, которые требуют систематизации и уточнений. В частности необходимо определиться с такими категориями как: «виртуальное пространство», «виртуальная среда», «метасреда», «метапространство», «метавселенная», «метagalлактика», «протогаллактика» и т. д. Необходимость в систематизации данных понятий обоснована тем, что при реализации правомочий субъекта неизбежно возникает вопрос о месте реализации этих правомочий, территории правоприменения.

С точки зрения С. А. Белозерова «виртуальный мир» — постоянно генерируемый серверной частью массового многопользовательского сетевого приложения обширная трехмерная территория (или связанная телепортами система дополняющих друг друга территорий), наполненная многопользовательской квазиматериальной обитаемой виртуальной средой, предоставляющей широкие возможности производительного труда и аватар-опосредованной жизнедеятельности [1. С. 54]. Как показывают научные исследования в области цифровых технологий, суть общественных отношений в условиях виртуальной среды сводится к тому, что человек не просто «играет» в симулятор, вкладывая денежные средства в объекты виртуального мира, а проживает жизнь с использованием цифрового двойника в условиях среды, которая ему комфортна. По данным криминологических исследований за 2019–2023 год средний возраст людей, использующих виртуальные пространства для удовлетворение базовых психологических потребностей, варьируется от 25–30 лет [5]. В виртуальных мирах оказываются услуги, совершаются сделки, происходит денежный оборот, совершаются правонарушения.

Для классификации виртуальных миров и создающих их приложений используют аббревиатуры MMOA, MMO, MMORPG, RP, PvP и PvE и т. д. Существует несколько сотен приложений, чьи виртуальные территории так или иначе по своим технологическим характеристикам отвечают признакам виртуального мира (Geel, 2014) [1. С. 37]. Наиболее популярными среди них являются: World of Warcraft (WoW) — порядка 10 млн пользователей по всему миру;

Aion около 3 млн пользователей; Lineage (I и II) — 2 млн; Star Wars: The Old Republic — 2 млн; RuneScape — 1,5 млн; Second Life — 1 млн. Общее количество только официально зарегистрированных активных пользователей таких миров на начало 2022 г. превышало 22 млн. Такие виртуальные миры привлекают пользователей высоким уровнем технического исполнения, большой разновидностью виртуальных предметов, с которыми можно осуществлять различные действия и упростить оборот. Цифровые аватары свободно общаются как вербально, так и не вербально. Сами по себе виртуальные миры в современной обработке позволяют облегчить жизнь пользователя, который может и не обладать специальными техническими познаниями, быть старшей возрастной категории, иметь ограничения здоровья.

Согласно толковому словарю русского языка слово «виртуальный» означает: способный, возможный, условный, тот, который не существует реально, способный возникнуть при наличии определенных условий, может возникнуть потенциально [3].

Если рассматривал термины IT-сферы: виртуальны — «созданный посредством программного обеспечения или компьютерных сетей» [6]. В соответствии с семантикой русского языка «виртуальный» — тот, который в действительности не существует. Для романо-германской языковой группы — тот, который отличается от нормативного, выполняет его основные функции [7].

Если рассмотреть правила юридической техники уголовного права и уголовного закона, то вводя в оборот термины «виртуальный мир», «виртуальная среда» как объект уголовно-правовой охраны, необходимо уточнить, что для правильного понимания и глубокого анализа будущего законодательства следует признать, что все термины и словосочетания с использованием «виртуальный» нельзя оценивать как иллюзорный и не существующий [7]. Это вполне реальные материальные объекты, которые могут быть истолкованы с точки зрения права.

В цифровой сфере виртуальный объект, когда он генерируется компьютерной программой, существует реально, хотя и в нематериальной ипостаси. Суть же и назначение такого виртуального объекта в целом остаются соответствующими его именованию. Этот объект может стать объектом посягательства и подлежит охране, также подлежит уголовно-правовой охране и цифровой аватар человека.

Термин *virtual world* употребляется в нескольких ключевых значениях. Впервые такое словосочетание стали использовать в 1990-х годах, когда появилась потребность обозначить виртуальную среду для большого количества пользователей разных возрастов [8]. В этом значении *virtual world* — в переводе на русский язык — это мир виртуального, это своеобразная сфера явлений. В более поздний период развития учения о цифровых технологиях появились более совершенные понятия о цифровых продуктах, более емкие терминологические категории [10].

Универсальным считается предложение С. А. Белозерова. Виртуальный мир — постоянно генерируемая серверная часть, которая используется в массовых масштабах в сетевых приложениях. Также автор отмечает, что необходимо учитывать признак трехмерности, использование телепортов, систему дополняющих друг друга территорий. Виртуальная среда — это многопользовательская среда, которая не отличается в большинстве своем от материального мира. В условиях материальной среды с помощью цифрового аватара человека можно осуществлять обычную жизнедеятельность и участвовать в классических общественных отношениях [10].

Виртуальные миры, какой вид бы мы не рассматривали, обитаем, социально обусловлены. Именно критерий необходимости реализации потребностей человека позволяет использовать аватаров в таких виртуальных пространствах и защищать их от внешних посягательств. Однако в праве нет четкого механизма защиты и охраны цифровых двойников человека.

Необходимо так же учесть свойство квазиматериальности: внешняя схожесть с материальной природной и технологической средой, но и реакция составляющих ее виртуальных объектов на внешнее воздействие.

При анализе любого объекта исследования зачастую возникает вопрос о его месте в системе общественных отношений, его значимости для системы и отрасли права. Поскольку человек уже использует

VR-пространства для реализации своих возможностей, объективным считается признать включение в систему общественных отношений уголовно-правового характера виртуальных пространств и миров. Все, что происходит с помощью цифровых технологий виртуального пространства носит вполне материальные очертания и реальное воплощение. Разработчик и пользователь может в режиме реального времени изменить форму и содержание объектов, находящихся в виртуальной среде, что приведет к изменению сути правоотношения.

Говорить о том, что виртуальная среда — это иллюзия в современных условиях является некорректным. Человек использует реальные механизмы реализации своих правомочий с помощью VR-технологий и нуждается в защите этих прав. Субъекту права необходимо, чтобы объекты использовались по назначению, были узнаваемыми, могли быть идентифицированы и защищены от внешних посягательств, а если посягательство и было совершено, то нарушенное право было восстановлено. Использование специальных VR-очков или шлема позволяет упростить технологию использования виртуальной среды, механизм попадания в нее. Эффект присутствия достигается очень быстро, человек быстро переносится в условия, которые ему удобны и интересны. Однако за этой скоростью скрывается ряд рисков, которые он может не заметить либо отнести к ним легкомысленно или небрежно. Человек ничего не делает физически, не причиняет вред второму участнику общественного отношения руками, все происходит опосредованно, с использованием технических средств, причем очень быстро (достаточно нажатия одной кнопки). С точки зрения анализа объективной стороны состава преступления это обстоятельство может быть существенным для признания факта самого преступного деяния. Виртуальная среда и виртуальное пространство требует повышенного внимания к себе со стороны человека, относится к нему поверхностно и неосторожно может негативно сложиться на перспективе развития цифровых технологий в целом.

Литература

1. Белозеров С. А. Виртуальные миры MMORPG: Часть I. Определение, описание, классификация // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 54.
2. Белозеров, С. А. Аватар-опосредованная деятельность и виртуальные миры. Дистанционное и виртуальное обучение. М., 2014. С. 37–52.
3. Кузнецова, С. А. (Ред.). (2009). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт. Статистика WoW. (2014). Режим доступа: <http://media.wow-europe.com/infographic/ru/world-of-warcraft-infographic.html>.

4. Филипова И. А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 1, С. 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>
5. Burn, A., & Carr, D. (2003). Signs from a strange planet: Role play and social performance in Anarchy Online. In COSIGN Proceedings 2003, 3rd Conference on Computational Semiotics for Games and New Media (pp. 14–21). Retrieved from <http://doc.baidu.com/view/518d53e8998fcc22bcd10db4.html>.
6. Debeauvais, T., Nardi, B. A., Lopes, C. V., Yee, N., & Ducheneaut, N. (2012). 10,000 gold for 20 dollars: an exploratory study of World of Warcraft gold buyers. In IFDG '12 Proceedings of the International Conference on the Foundations of Digital Games (pp. 105–112). New York. doi:10.1145/2282338.2282361.
7. Schiano, D. J., Nardi, B., Debeauvais, T., Ducheneaut, N., & Yee, N. (2011). A new look at World of Warcraft's social landscape. In 6th International Conference on the Foundations of Digital Games. doi:10.1145/2159365.2159389
8. Williams, D., Kennedy, T. L. M., & Moore, R. J. (2011). Behind the avatar: The patterns, practices, and functions of role playing in MMOs. Games and Culture, 6(2), 171–200. doi:10.1177/155541201036498/
9. Yee, N., Bailenson, J. N., Urbanek, M., Chang, F., & Merget, D. (2007). The unbearable likeness of being digital: The persistence of nonverbal social norms in online virtual environments. CyberPsychology and Behavior, 10, 115–121. doi:10.1089/cpb.2006.9984.
10. Yee, N., Bailenson, J. N., & Ducheneaut, N. (2009). The Proteus Effect: Implications of transformed digital self-representation on online and offline behavior. Communication Research, 36(2), 285–312. doi:10.1177/0093650208330254.

References

1. Belozero S. A. Virtual worlds MMORPG: Part I. Definition, description, classification // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. Т. 12. № 1. С. 54.
2. Belozero, S. A. Avatar-mediated activity and virtual worlds. Distant and virtual learning. М., 2014. С. 37–52.
3. Kuznetsova, S. A. (Ed.). (2009). Big explanatory dictionary of the Russian language. SPb.: Norint. WoW Statistics. (2014). Access mode: <http://media.wow-europe.com/infographic/ru/world-of-warcraft-infographic.html>.
4. Filipova I. A. Creating the Metaverse: Consequences for Economy, Society, and Law. Journal of Digital Technologies and Law, 2023, 1(1), 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>
5. Burn, A., & Carr, D. (2003). Signs from a strange planet: Role play and social performance in Anarchy Online. In COSIGN Proceedings 2003, 3rd Conference on Computational Semiotics for Games and New Media (pp. 14–21). Retrieved from <http://doc.baidu.com/view/518d53e8998fcc22bcd10db4.html>.
6. Debeauvais, T., Nardi, B. A., Lopes, C. V., Yee, N., & Ducheneaut, N. (2012). 10,000 gold for 20 dollars: an exploratory study of World of Warcraft gold buyers. In IFDG '12 Proceedings of the International Conference on the Foundations of Digital Games (pp. 105–112). New York. doi:10.1145/2282338.2282361.
7. Schiano, D. J., Nardi, B., Debeauvais, T., Ducheneaut, N., & Yee, N. (2011). A new look at World of Warcraft's social landscape. In 6th International Conference on the Foundations of Digital Games. doi:10.1145/2159365.2159389
8. Williams, D., Kennedy, T. L. M., & Moore, R. J. (2011). Behind the avatar: The patterns, practices, and functions of role playing in MMOs. Games and Culture, 6(2), 171–200. doi:10.1177/155541201036498/
9. Yee, N., Bailenson, J. N., Urbanek, M., Chang, F., & Merget, D. (2007). The unbearable likeness of being digital: The persistence of nonverbal social norms in online virtual environments. CyberPsychology and Behavior, 10, 115–121. doi:10.1089/cpb.2006.9984.
10. Yee, N., Bailenson, J. N., & Ducheneaut, N. (2009). The Proteus Effect: Implications of transformed digital self-representation on online and offline behavior. Communication Research, 36(2), 285–312. doi:10.1177/0093650208330254.

Сведения об авторе

ДЕНИСОВИЧ Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Россия). E-mail: LtybctyejV1984@yandex.ru

DENISOVICH Veronika Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). E-mail: LtybctyejV1984@yandex.ru

УДК 34.400

Петров П. К.

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ,
СВЯЗАННЫМ С НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНОЙ**

Petrov P. K.

**REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES RELATED
TO NECESSARY DEFENSE**

Необходимая оборона как явление существовала на всех этапах развития государства и права в России и других странах. Более того, необходимая оборона — это инстинкт любого человека, который стремится защититься от общественно опасных правонарушений. В то же время общественное развитие диктует новые правила и подходы к существующим законодательным формулировкам норм, касающихся необходимой обороны и практики их применения, которые вызывают весьма обоснованные критические замечания. Таким образом, люди часто оказываются в ситуации, когда в случае криминальных угроз они могут рассчитывать только на себя и свои возможности, которые становятся достаточно ограниченными существующими законами, что обычно идет вразрез с реалиями современной криминогенной ситуации.

Институт необходимой обороны претерпел изменения, соответствующие развитию и совершенствованию законодательства в России. Какой бы ни была законодательная формулировка и степень развитости правовых норм в этой категории, необходимая оборона всегда была разрешающей и даже санкционирующей нормой причинения вреда лицу, ущемляющей права и законные интересы личности, общества и государства. Признавая причинение вреда преступнику полезным и допустимым, государство реализует важное конституционное право людей на защиту и пытается повысить правовую активность людей и вовлечь всех в поддержание мира и профилактику преступности. Учитывая тонкую грань между законностью и преступным характером причиненного вреда, законодатель должен разработать механизм работы и использования данного института уголовного права на практике с должным уровнем детализации и без каких-либо ошибок.

Ключевые слова: необходимая оборона, самозащита, правовой статус человека, защита прав человека

Necessary defense as a phenomenon existed at all stages of the development of the state and law in Russia and other countries. Moreover, necessary defense is an instinct of any person who seeks to protect himself from socially dangerous offenses. At the same time, social development dictates new rules and approaches to the existing legislative formulations of norms concerning necessary defense and the practice of their application, which cause very reasonable criticism. Thus, people often find themselves in a situation where, in case of criminal threats, they can rely only on themselves and their capabilities, which become quite limited by existing laws, which is usually contrary to the realities of the current criminogenic situation.

The institution of necessary defense has undergone changes corresponding to the development and improvement of legislation in Russia. Whatever the legislative formulation and the degree of development of legal norms in this category, necessary defense has always been a permissive and even authorizing norm of causing harm to a person infringing on the rights and legitimate interests of an individual, society and the state. By recognizing the infliction of harm to a criminal as useful and permissible, the state realizes the important constitutional right of people to defend themselves and tries to increase people's le-

58Уголовно-правовые
науки

gal activity and involve everyone in peacekeeping and crime prevention. Taking into account the thin line between legality and criminal nature of the harm caused, the legislator should develop a mechanism for the operation and use of this institution of criminal law in practice with the proper level of detail and without any mistakes.

Keywords: *necessary defense, self-defense, legal status of a person, protection of human rights*

Необходимая оборона — это одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Прежде всего, необходимая оборона — это естественное право. Естественность этого права заключается в том, что оно не создано государством, а признается и санкционируется им.

1. Государство, каким бы оно ни было, не сможет защитить каждого гражданина от преступных посягательств. Поэтому оно законодательно предоставляет гражданину право на защиту своих интересов и закрепляет это право на конституционном уровне.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2022 г. № 18-УД22-48-К4 [1] было отменено кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное 25 октября 2022 года. Согласно обстоятельствам дела, 4 августа 2020 года Шаталов А. В. пришел к своим знакомым для распития алкогольных напитков. В процессе у Шаталова возникли претензии к К. в связи с тем, что тот якобы украл его спиртное. В ходе спора Шаталов А. В. взял деревянный брусок и начал наносить удары К., общее количество которых составило не менее 30 и приходилось на разные участки тела. Один из ударов привел к сильному кровотечению из губы у К., при этом остальным друзьям Е. и И. Шаталов А. В. запретил помогать К. В результате происшествия К. скончался во дворе дома, где проводилось распитие. Исходя из этих фактов, суды первой и второй инстанции квалифицировали действия Шаталова А. В. по части 1 статьи 105 УК РФ. Тем не менее, при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе, коллегией суда четвертой кассационной инстанции не согласилась с решениями нижестоящих судов. Судебные органы не обнаружили намерения Шаталова А. В. совершить убийство К., поэтому они изменили квалификацию действий Шаталова на ч. 1 ст. 109 Уголовного кодекса РФ.

Верховный Суд сделал вывод, что неправильная оценка некоторых обстоятельств, установленных судом первой инстанции и имеющих ключевое значение для правильного разрешения дела, а также игнорирование других фактов, ставит под сомнение вывод кассационной инстанции о том, что у Шаталова не было умысла на убийство И. В связи с этим кассационное решение было отменено, и дело передано на новое рассмотрение с участием другого состава судей.

2. Необходимая оборона — это субъективное право каждого гражданина. Он может использовать его, не использовать или прибегнуть к помощи других. Закон не может требовать от граждан защищать себя и других от противоправных посягательств.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда вынесла кассационное определение [2], отменив судебные акты нижестоящих инстанций и оправдав женщину, ранее осужденную за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Между тем действия потерпевшего, связанные с надавливанием на горло, от которых потерпевшая стала задыхаться, свидетельствуют о реальной угрозе ее жизни. Воробьева нанесла Р. единственный удар ножом именно в момент реальной опасности для ее жизни с целью своего спасения. Таким образом, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, установленные судами действия Воробьевой, не являются преступлением», — подчеркнуто в кассационном определении Верховного суда.

При этом наиболее показательным является дело № 25-УД23-12-К4, рассмотренное в 2023 г. в порядке кассации в Верховном Суде РФ. Тогда было установлено, что гражданин М., пытаясь защитить своих близких, в частности, супругу М. и гражданку В., причем на территории своего домовладения, нанес потерпевшему Б. телесные повреждения, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью. В такой ситуации суды усмотрели в действиях М. превышение пределов необходимой обороны, полагая, что он не оценил обстановку,

личность знакомого ему потерпевшего Б. отсутствие внезапности и неожиданности. Тем не менее, многие обстоятельства были проигнорированы судами нижестоящих инстанций — ночное время, незаконность проникновения в домовладение, применение насилия. И лишь Верховный Суд РФ, учтя все обстоятельства, прекратил уголовное дело ввиду отсутствия состава преступления [6].

Надо сказать, что такому неоднозначному подходу к рассмотрению дел о необходимой обороне во многом способствуют разъяснения, данные в Постановлении № 19, согласно которым, требования о пределах необходимой обороны, предусмотренных ч. 2 ст. 37 УК РФ, надлежит соблюдать даже в случаях, когда обороняющемуся нападающий наносит побои, причиняет легкий или средней тяжести вред здоровью, совершает грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Может ли обороняющийся в каждом из этих случаев однозначно оценить ситуацию и соизмерить свои действия с действиями нападающего? Думается, что вряд ли.

Существуют обстоятельства, когда превышение разумных границ необходимой самообороны может быть связано с физической или профессиональной подготовкой человека, который отражает нападение. Так, в ходе расследования дел о преступлении (ч. 1 ст. 105 УК РФ) осужденный не смог добиться переквалификации своего деяния с учетом норм о необходимой обороне. Конфликт возник между потерпевшим и осужденным, который защищался. Потерпевший проявлял агрессию, преследуя Я., в то время как последний пытался укрыться в магазине. Когда Я. отошел от преследования А., он вошел в помещение и взял со стеллажа пневматическую винтовку, предварительно взведя механизм. Он уговорил потерпевшего: «Либо ты отойдешь, либо я открою огонь». После этого он выстрелил в грудь потерпевшему с расстояния около 4–5 метров.

Кассация указала, что обстоятельства свидетельствуют о наличии у Я. косвенного умысла на убийство. Я., находясь на небольшом расстоянии от потерпевшего, выполнил все действия для выстрела. Взвел курок, направил ствол винтовки в сторону потерпевшего, нажал на спусковой крючок. Он не мог не осознавать, что выстрел может реально привести к гибели человека. Не имеется оснований полагать,

что Я. выстрелил в потерпевшего по неосторожности, не зная, что винтовка заряжена. Я. длительное время владеет огнестрельным оружием, работал егерем, регулярно участвовал в охоте, на момент совершения преступления имел опыт использования данной пневматической винтовки, о чем сам указывал в своих показаниях. Виновному не удалось доказать, что в данной ситуации он не превысил пределы необходимой обороны. Напротив, его профессиональные навыки владения оружием явствовало о готовности обороняться, осознавая фактические последствия своих действий. Приговор суда оставили без изменения [1].

В другом деле Верховный Суд вынес Кассационное определение по делу № 74-УД24–5-К9 [5], в котором разъясняется суть необходимой обороны. В июне 2023 года суд установил вину Валентина Сёмина в нанесении тяжкого вреда здоровью, угрожающего жизни человека, что по обстоятельствам привело к его смерти по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Сёмин утверждал, что, проснувшись от удара Д., он выхватил у него табурет, но потерпевший, в свою очередь, схватил нож, висевший на стене, и пытался напасть на него. Мужчина пояснил, что ему удалось отобрать оружие у агрессора, однако тот затем вооружился другим ножом и вновь попытался его поразить. В ответ на действия Д. Сёмин сообщил, что был вынужден ударить в целях самозащиты, охраняя свои жизнь и здоровье.

Верховный Суд указал, что действия по причинению вреда нападающему не рассматриваются как преступление в случае самозащиты, когда законные права обороняющегося защищаются от угрозы насилия, опасного для его жизни (ч. 1 и 2.1 ст. 37 УК РФ). Также, ссылаясь на Постановление № 19, были освещены признаки общественно опасного нападения, сопоставимого с насилием.

В таких условиях, учитывая, что в мотивировочной части решения суда не упомянуты действия потерпевшего, которые были признаны судом смягчающим обстоятельством, возникают вопросы по поводу обоснованности выводов суда относительно наличия у осужденного Сёмина признаков преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, в контексте фактических данных уголовного дела, установленных судом, и о неубедительности аргументов защиты о наличии необходимой обо-

роны в действиях Сёмина, — отметил Верховный Суд.

Также Верховный Суд указал, что совокупность этих факторов, должным образом не оцененных судом первой инстанции, могла оказать влияние на корректность его суждений относительно вины подсудимого. Из-за отсутствия учета и обоснования указанных обстоятельств, выводы, изложенные в приговоре, не могут считаться достоверными и оправданными.

5 сентября 2004 г. Верховный Суд вынес Определение суда кассационной инстанции по делу № 49-УД24–13-К6 [7], в котором указал на недопустимость выхода о превышении обороняющимся пределов необходимой обороны без указания на то, какие конкретные действия, выходящие за рамки необходимой обороны, были совершены и в чем именно заключалось несоответствие данных действий характеру и опасности посягательства, которое признано опасным для жизни.

На судебном слушании А. рассказал, что во время совместного распития алкоголя его сосед начал проявлять агрессию и неожиданно нанес удар. В этот момент А. оказался зажатым между столом и стеной, сел на скамейку и не имел возможности встать. Когда ему удастся оттолкнуть Р. и выскочить из-за стола, сосед схватил нож и начал наносить множественные удары по жизненно важным органам. Избежав первого удара, А. прикрыл сердце левой рукой и получил резаное повреждение предплечья. В результате нападения у него возникли травмы грудной клетки и поясничной области спины. Защищаясь, А. ударил Р. в лицо и голову, блокируя атаки, пока не смог выбить нож. После этого Р. попытался снова схватить нож, однако А. удержал его за тело, и тогда тот укусил ему руку и попытался укусить лицо. Когда А. отпустил Р., последний ударил его по губе. Только тогда агрессор прекратил свое нападение. А. подчеркнул, что отвечал ударами только в ответ на действия с ножом.

Оценивая представленные доказательства, суд отметил, что Р. предпринял попытку нанести удар А. ножом в область сердца, однако А. успел выставить руку, что привело к возникновению ситуации необходимой самообороны для подсудимого. В ответ на неправомерные действия со стороны потерпевшего подсудимый оттолкнул его и совершил около восьми ударов кулаком в голову Р., после чего дополнительных ударов не наносил. Суд первой инстанции пришел к выводу, что А. превы-

шал пределы необходимой обороны своими действиями.

Как указал Верховный Суд, суды нижестоящих уровней не обратили внимания на важные положения уголовного законодательства и разъяснения Постановления № 19 в процессе разбирательства дела. Судебная коллегия отметила, что защита не отрицала, что осужденный причинил Р. серьезный вред здоровью, но настаивала на том, что эти действия были осуществлены в рамках необходимой обороны.

ВС отметил, что суд не произвел должной оценки свидетельств А. относительно того, что все травмы Р. были получены до того, как нож был вырван из его рук, несмотря на то, что эти свидетельства противоречат как выводам судебно-медицинских экспертиз, так и другим показаниям А. о произошедшем. Кроме того, суд не учел, что, в результате обоюдного причинения повреждений, Р. получил серьезные травмы, включая закрытую черепно-мозговую травму и множественные переломы ребер, в то время как А. надеялся лишь на такие повреждения, которые не привели к вреду для здоровья.

Решение суда о явном несоответствии действий А. характеру и степени угрозы имеет предположительный характер, так как в приговоре не представлены конкретные факты превышения необходимой самообороны. В соответствии с ч. 4 ст. 14 УПК обвинительный приговор не должен базироваться на предположениях. Эти аспекты не были должным образом оценены в апелляции и кассации. В апелляционном определении также отмечено, что меры защиты, примененные А., привели к серьезным телесным повреждениям Р. и явно превышали необходимые для предотвращения нападения.

Анализ судебной практики показал, что судебные ошибки чаще всего происходят именно в тех случаях, где задействованы перечисленные выше уголовные институты. В основном ошибки в судебном процессе связаны с неправильным толкованием сущности уголовного закона со стороны участников предварительного расследования, судей и прокуроров, что ведет к искажению и неточному определению фактических обстоятельств совершенного деяния, что в конечном итоге приводит к незаконному осуждению.

В уголовном праве одной из главных проблем на сегодняшний день является отграничение преступного поведения от некриминального.

Необходимая оборона, являясь общественно полезной, включается в состав недопустимого поведения. Необходимая оборона исключает уголовную ответственность в связи с отсутствием состава преступления.

В практике достаточно часто встречаются случаи, когда обороняющееся лицо изначально при отражении посягательства правомерно причиняет вред нападающему, но потом начинает его «добивать» (несмотря на то, что нападающее лицо уже не совершает общественно опасных действий, к примеру, по причине падения). В таких ситуациях действия обороняющегося лица не могут быть квалифицированы судом как причинение вреда в состоянии необходимой обороны.

Тем не менее, разъяснения Постановления № 19 не всегда адекватно используются судами. В этом контексте вопрос о дальнейшей доработке основ института необходимой обороны с целью единообразия в правоприменении остаётся актуальным и значимым.

При этом суды и органы следствия, как показывает практика, все равно квалифицируют действия обороняющегося по ч. 1 ст. 108 или по ч. 1 ст. 114 УК РФ, что нарушает требования ч. 1 ст. 37 УК РФ и п. 7 Постановления № 19. Подобная практика недопустима, и действия посягающего необходимо квалифицировать либо как совершенные в состоянии аффекта (в случае подтверждения его наличия), либо по статьям, предусматривающим ответственность за нарушение правил ст. 38 УК РФ, либо на общих основаниях, с учетом п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК.

При этом правоохранительные структуры и судебные органы не учли разъяснения пункта 13 Постановления № 19, касающиеся применения законодательства о необходимой обороне и причинении ущерба при задержании преступника. При проверке аргументов защиты о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд должен опираться на принцип презумпции невиновности и учитывать, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность или наличие у его действий признаков менее тяжкого преступления. «Ответственность за доказывание обвинения, а также опровержение аргументов, представленных защитой, лежит на обвиняющей стороне, и все сомнения относительно состояния необходимой обороны или виновности лица, обвиняемого в превышении ее пре-

делов, которые не могут быть устранены в соответствии с УПК, интерпретируются в пользу подсудимого.

Указанные нарушения уголовно-процессуального законодательства и неверная оценка доказательств, собранных по делу, были обоснованно выявлены Верховным Судом РФ в процессе рассмотрения его кассационной жалобы.

Рассмотрим пример из практики. ДД.ММ.ГГГГ в период времени с 23:00 часов до 24:00 часов между Грибановым и ФИО2, находящимися в состоянии алкогольного опьянения на улице возле сторожевого дома садового некоммерческого товарищества, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой ФИО2, высказав в адрес Грибанова угрозу убийством, зашел в указанный сторожевой дом, где взял топор. Выйдя на улицу, ФИО2, демонстрируя топор и угрожая применением насилия, опасного для жизни и здоровья, подошел к Грибанову и попытался нанести ему этим топором удар в область головы. В этот момент Грибанов, воспринимая угрозы убийством в сложившейся обстановке реально и опасаясь их осуществления, действуя в состоянии необходимой обороны, защищая свою жизнь от общественно опасного посягательства, с целью самообороны оторвал от находящегося рядом деревянного забора деревянную палку (доску), которой нанес не менее одного удара по голове ФИО2, от чего последний упал на землю. Затем Грибанов забрал у ФИО2 топор, тем самым прекратил общественно опасное посягательство. После этого, несмотря на то обстоятельство, что ФИО2 перестал представлять опасность для его жизни и здоровья, осознавая, что посягательство полностью прекращено, поскольку ФИО2 лежал на земле, был обезоружен и больше не предпринимал никаких попыток повторного нападения, Грибанов, превышая пределы необходимой обороны, понимая, что дальнейшее нанесение ударов ФИО2 не обусловлено самообороной, не вызвано необходимостью защиты, с целью причинения тяжкого вреда здоровью умышленно нанес ему руками, ногами и имевшейся при себе доской не менее 4 ударов по голове и не менее 1 удара в область живота и грудной клетки потерпевшего. Грибанов причинил ФИО2 тяжкий вред здоровью, который повлек наступление смерти ФИО2 через несколько часов [4].

Так, 12 ноября 2020 года в период с 18 часов 46 минут до 19 часов 51 минуту Даминов Э. А. и несовершеннолетний ФИО12 проходили по участку местности между домами № и № по <адрес> в <адрес>, где ранее незнакомые им ФИО13, ФИО10 и неустановленное лицо, будучи все в состоянии алкогольного опьянения, спровоцировали ссору, в ходе которой с лица Даминова Э. А. сняли очки, а затем начали драку: неустановленное лицо стало наносить удары несовершеннолетнему ФИО12, повалив его на землю, ФИО13 пытался нанести удары Даминову Э. А. руками в голову, а ФИО10, угрожая применить насилие, демонстрировал имеющийся у него пистолет и передергивал затвор, направляя его в сторону Даминова Э. А. Видя агрессивное по отношению к себе и несовершеннолетнему ФИО12 поведение, защищаясь от противоправных действий со стороны ФИО10, ФИО9 и неустановленного лица, действуя с целью необходимой обороны, однако, неправильно оценив соразмерность способа защиты с характером и степенью общественной опасности посягательства, не соряженному с насилием, опасным для жизни и здоровья обороняющегося, не пытаясь применить иных средств и способов защиты от нападавших, явно превышая пределы необходимой обороны, осознавая общественно опасный характер своих действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью ФИО9 и желая этого, достал из кармана своих брюк неустановленный следствием предмет, обладающий колюще-режущими свойствами и, удерживая последний в правой руке, умышленно нанес им ФИО9 один удар в область шеи справа, причинив колото-резаное ранение правой боковой поверхности шеи с повреждением внутренней яремной вены, повлекшее тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Суд кассационной инстанции отменяя приговор, прекратил уголовное дело руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ [6].

В другом деле Верховный Суд [4] отменил решение о признании обвиняемого виновным, а также постановления вышестоящих инстанций по делу о тяжком телесном повреждении, приведшем к смерти. Суд подчеркнул, что правильное установление обстоятельств преступления в приговоре является решающим для его квалификации. Это включает в себя определение, была ли у обвиняемого необходимая оборона или имело место её превышение.

Согласно версии следствия, в апреле 2022 года между Ч. и Л. произошел конфликт, который эскалировал в драку. В ходе этого инцидента Ч. нанес Л. несколько ударов руками и складным ножом в область груди и конечностей, что привело к повреждению подколенной артерии и, в итоге, к смерти Л.

Верховный Суд подчеркнул, что точное изложение фактических обстоятельств, связанных с действиями подсудимого, имеет важнейшее значение для правовой квалификации, включая вопрос о наличии или отсутствии необходимой обороны или ее превышения, предусмотренных статьей 37 УК РФ. Судебное заключение по делу о доводах защиты, утверждающей, что Ч. действовал в состоянии необходимой обороны или может быть, превысил ее, не может считаться обоснованным, поскольку такие выводы основаны на корректном установлении фактических обстоятельств, подтвержденных доказательствами, исследованными в судебном заседании, требующими оценки в соответствии с статьями 87, 88 УПК РФ.

При этом, как отметил Верховный Суд, в приговоре следует оценить все представленные доказательства — как уличающие, так и оправдывающие подсудимого.

В другом деле Верховный суд отметил: Суд, не предоставив должной оценки свидетельствам Антоновой А. С. и фактическим обстоятельствам, имеющим значение для дела, не раскрыл в приговоре причины конфликта, который произошел в квартире между Антоновой А. С. и А. Суд установил, что она «на основании личных неприязненных отношений», «овладев» ножом на месте происшествия, намеренно нанесла множественные удары А., что привело к его смерти.

Однако, как усматривается, характер совершенных действий потерпевшим и его состояние на момент совершения противоправных действий (состояние опьянения, резкий выход на проезжую часть, остановка транспортного средства, которым управлял обвиняемый, прыжок на капот автомобиля), предыдущее поведение потерпевшего (конфликтность), с которым был осведомлен обвиняемый, обстановка, в которой потерпевший совершал противоправные действия (ночное время, наличие рядом группы людей, в которой находился потерпевший, находившихся в состоянии опьянения) свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности действий, совершенных потерпевшим.

Эти обстоятельства, которые должны быть доказаны в рамках уголовного дела согласно статье 73 УПК РФ, особенно причины конфликта между подсудимой и ее покойным супругом, а также появление ножа в руках Антоновой А. С., имеют важное значение. Они могли значительно повлиять на выводы суда о ее вине или невиновности, включая вопрос о наличии или отсутствии необходимой обороны или ее превышения, предусмотренных статьей 37 УК РФ [6].

Выводы: Проблемы, возникающие при оценке пределов, которые требуют значительной свободы усмотрения от правоприменителей, мешают их полноценному ис-

пользованию. Низкие показатели статистики и значительная скрытость таких действий указывают на то, что правоприменители чаще ориентируются на формально установленные положения уголовного законодательства и проявляют осторожность в отношении норм, допускающих широкое усмотрение. В этой ситуации важно изменить подход практических работников, что можно сделать через официальные рекомендации Генеральной прокуратуры РФ и Верховного Суда РФ, призывающие к более тщательному анализу материалов уголовных дел в контексте применения норм главы 8 УК РФ, особенно статьи 37 УК РФ.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 18-УД22–48-К4. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2021 по делу № 16-УД21–14-К4. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
3. Определение суда кассационной инстанции (Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ) от 05.09.2023 по делу № 25-УД23–12-К4. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
4. Определение 1 КСОЮ от 28.09.2022 № 77–4511/2022. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
5. Приговор Пермского районного суда Пермского края от 24.08.2020 г. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
6. Определение Первого Кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 по делу № 77–5869/2023. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2024 № 74-УД24–5-К9. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2024 № 30-УД24–2-К5. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2024 № 49-УД24–13-К6. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2024 № 66-УД24–11-К8. [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

References

1. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 13.10.2022 № 18-UD22–48-K4. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
2. Definition of the Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 02.09.2021 on business No. 16-UD21–14-K4. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
3. Definition of the court of cassation instance (the Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation) from 05.09.2023 on business No. 25-UD23–12-K4. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
4. Determination of 1 KSOY from 28.09.2022 № 77–4511/2022. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
5. The sentence of the Permsky district court of the Perm territory from 24.08.2020. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
6. Definition of the First Cassation court of general jurisdiction from 21.12.2023 on business No. 77–5869/2023. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
7. Cassation definition of the Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 25.07.2024 № 74-UD24–5–5-K9. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.

8. Definition of the Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 17.07.2024 № 30-UD24–2-K5. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
9. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 05.09.2024 № 49-UD24–13-K6. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.
10. Cassation definition of the Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 12.09.2024 № 66-UD24–11-K8. [Electronic resource]. // Reference legal system ConsultantPlus.

Информация об авторе

ПЕТРОВ Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Южно-Уральского государственного университета, юридический институт. НО «Коллегия адвокатов г. Челябинска», председатель.

PETROV Pavel Konstantinovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University, Law Institute. BUT the Chelyabinsk Bar Association, Chairman.

Петров П. К., Денисович В. В.

ПРЕСТУПНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Petrov P. K., Denisovich V. V.

CRIME IN VIRTUAL SPACE: CRIMINOLOGICAL CHARACTERIZATION

В статье представлены и проанализированы правовые основы понимания категории «метапреступность» виртуальных пространств. Авторы отмечают, что метапреступность своими корнями уходит в основы общей теории криминологии, теории происхождения преступности в целом. Рассматриваются детерминанты преступлений в виртуальных пространствах, а также исторические предпосылки возникновения деликтов в виртуальной среде.

Ключевые слова: виртуальные миры, метавселенные, преступность, место совершения преступления, криминологические показатели.

The article presents and analyzes the legal basis for understanding the category of “meta-crime” of virtual spaces. The authors note that meta-crime has its roots in the foundations of the general theory of criminology, the theory of the origin of crime in general. Determinants of crime in virtual spaces, as well as historical prerequisites for the emergence of torts in the virtual environment are considered.

Keywords: virtual worlds, meta-universes, crime, crime scene, criminological indicators.

Понятие «киберпреступности», юридическое толкование данного термина сформировалось в 50-х годах прошлого века. Правовая защита данных была возможна и эффективна в связи с достаточно низкой распространённостью машинного способа обучения и малоэффективным использованием персональных компьютеров. Чем больше человек использует цифровые технологии, тем больше риск возникновения преступлений в цифровом пространстве.

Исторически киберпреступность и киберпреступления, в том числе преступления в виртуальном пространстве уходят корнями в прошлое. Основная причина таких преступных деяний и мотив кроется в самом желании человека проникнуть в закрытый информационный ресурс и получить ту информацию, к которой он доступ не имеет. Цель не всегда носит абсолютно преступный характер, иногда это может быть спровоцировано интересом человека заглянуть в ту сферу, к которой он отношения не имеет. Любопытство че-

ловека, его естественная потребность знать больше подталкивает к совершению действий девиантного характера. Первым этапом в становлении киберпреступности и началом ее изучения в уголовно-правовой науке следует считать появление вирусных и вредоносных программ, которые представляют собой один из основных инструментов совершения киберпреступления, но говорить о метапреступлениях пока рано.

Вторым этапом на пути становления отдельного вида преступности, который следует профилировать и предупреждать можно считать массовое использование различных видов кибератак и формирование целого спектра киберугроз, которые с каждым годом становятся все сложнее (фишинг, социальная инженерия, вредоносные программы и DDoS-атаки, чтобы проникнуть в системы и украсть информацию или нанести ущерб человеку).

На данном этапе формируются уникальные способы совершения преступлений в условиях метасреды, которые не про-

писаны как способ совершения преступления по объективной стороне состава преступления, но причиняющие вред человеку как моральный так и материальный [3. С. 857].

Метапреступность — это форма противоправного поведения, связанная с использованием компьютеров, сетей и цифровых технологий. Метапреступники могут совершать различные преступления, такие как несанкционированное проникновение в метавселенную, мошенничество, кража личных данных и распространение недостоверной информации.

Метапреступность может иметь серьезные последствия для отдельных лиц, организаций и даже правительств. Это может привести к утечке чувствительной информации, финансовым потерям, нарушению конфиденциальности и даже нанести физический ущерб. Метапреступность также подрывает доверие в цифровом пространстве и может иметь долгосрочные последствия для потерпевших.

В 2018 г. с использованием специальных очков, обеспечивающих хорошую визуализацию в условиях метавселенной, появилась возможность войти в цифровую среду и в целом сделать там все, что человек захочется с помощью его аватара (цифрового двойника). Поскольку по данным 2024 г. нет аналитических свободных данных по криминологическим показателям киберпреступности и преступности в метавселенных, которые ежедневно используются человеком (40 минут в день)¹, то следует лишь предположить, что преступления, совершаемые в метавселенной, имеют общие черты с обычной киберпреступностью. Например, и те, и другие связаны с различными видами незаконной деятельности, происходящей онлайн или в виртуальных пространствах. По мере совершенствования технологий эти преступления также становятся более глобальными и анонимными. Это делает практически невозможным поимку преступников. Приведенное выше утверждение нуждается в апробации и подкреплении данными, которые крайне необходимо для всего научного сообщества криминологов и цифровиков.

Киберпреступность и метапреступность отличаются друг от друга. Одним из существенных отличий необходимо признать факт погружения в виртуальную среду с помощью специального оборудования

¹ <https://holographica.space/articles/zucks-big-game/> (дата обращения: 20.12.2024).

с целью совершить кибератаку. Если же речь идет о реальном мире, то преступник никуда не погружается, он использует обычное реальное пространство и технику и пространственно находится в реальности. Для уголовно-правовой квалификации необходимо будет указать, где совершено преступление: в метавселенной, в какой метавселенной. Принцип виртуальности следует описать в рамках теории уголовного права, чтобы норма имела описательный законченный характер.

Существенное влияние на формирование метапреступности оказало погружение в метaprостранство. Человек стремится попасть в виртуальную среду отчасти потому, что там можно все то, чего нельзя в реальной жизни, можно чувствовать и делать то, что невозможно в реальном мире. Именно этот фактор представляет собой угрозу.

Погружение достигается с помощью ряда сенсорных техник в наушниках, включая визуальные, звуковые и тактильные (прикосновения). Это создает ощущение пространственного присутствия, которое позволяет пользователю воспринимать виртуальное пространство как реальное. Это означает, что негативные переживания, такие как сексуальное насилие и домогательства, также кажутся реальными².

Если постоянно не фиксировать свои взаимодействия в метавселенной с помощью гарнитуры, важные свидетельства этого неприятного взаимодействия не будут зафиксированы. Некоторые компании создали средства контроля за пользователями, такие как защитный пузырь, который может быть активирован вокруг аватара. Однако пока нет достаточных исследований, чтобы узнать, эффективны ли они.

В 2022 году исследователи из Центра противодействия цифровой ненависти провели 11 часов 30 минут записи взаимодействий пользователей с помощью гарнитуры Meta Oculus в популярном VRChat. Они обнаружили, что пользователи, включая детей, сталкиваются с оскорбительным поведением примерно каждые семь минут [2].

Травля и сексуальные домогательства также были широко распространены, и несовершеннолетними часто манипулировали, заставляя использовать расистские оскорбления и продвигать

² <https://dzen.ru/a/Z3H1HZw91QFdgdh2> (дата обращения: 20.10.2024).

экстремистские идеи. Сексуальные домогательства, насилие, причинение ущерба в метавселенной — одна из многих проблем безопасности.

Влияние метавселенных на цифровизацию носит очевидный характер: ускоряются процессы получения образования в любой форме, его качество и усвоение отдельных компонентов; расширяется сфера культурного обмена, появляется возможность преодолеть кросскультурный конфликт, исследовать культуру разных стран мира, провести дипломатические переговоры быстро по принципу «здесь и сейчас»; значительно ускоряются процессы в сфере оказания услуг и оформления договоров, улучшается качество связи; сокращаются расходы; повышается уровень жизни людей с ограниченными возможностями, а также тех людей, у которых есть сложности в общении из-за особенностей характера; решается вопрос безработицы, появляются новые специальности для людей смежных специальностей, в том числе гуманитарных специальностей; решаются проблемы коммуникативного общения.

Есть ряд вопросов, которые требуют решения: разработка VR-шлемов с высоким технологическим разрешением, простые в использовании, перчатки и очки; разработка функций голосового ввода человека в метавселенную; необходимо повысить уровень и качество применения норм морали и этики в процессе использования метавселенных, т. к. во время нахождения в виртуальном пространстве используется цифровой аватар человека; следует защитить детей и подростков, а также иные уязвимые категории граждан, которые менее всего могут быть бдительны при использовании метавселенных в своих целях.

Метавселенные представляют собой совершенно новый качественный уровень развития цифрового общества, который остро нуждается в правовой регламентации своего существования, создании кодекса этики поведения внутри метавселенной, разработке норм права для отраслевого законодательства внутри каждого развитого государства.

Криминологическое исследование метапреступности основано на концепции социологического подхода, когда суть самой преступности исходит из основных характеристик общества и происходящих в нем процессов. Не следует отрицать и влияние биологических факторов на раз-

витие преступности, поскольку, как уже было отмечено, в самом человеке, его психологии заложено стремление раскрыть все, тайное и неизвестное, это элементарное любопытство [1]. Для метапреступности необходимо определиться, где все-таки совершается преступление, какой охват территории будет иметь криминологическое значение.

Если рассматривать психологическую теорию происхождения преступности, в которой также есть свои доктринальные положения, определяющие механизм возникновения тех или иных преступных деяний в виртуальной среде, то очевидным становится следующий тезис: человеку психологически комфортно находиться в виртуальном пространстве и совершать действия, которые носят общественно опасный характер метaprостранстве, поскольку он ничем и никем не ограничен. Цифровой аватар создается по образу и подобию человека, метавселенная программируется и «нарисована» также, как пожелает человек. Все зависит от уровня технологической оснащенности разработчика, качества интернета и воображения людей. Именно этот фактор является основным провоцирующим аспектом совершения преступления, т. к. нет ни внешних, ни внутренних ограничений такого поведения.

Прежде чем сформировать картину детерминант и предпосылок к совершению преступлений в метавселенных, отдельно представляется необходимым остановиться на том, что любая трехмерная среда, созданная по образу и подобию представлений человека и его пожеланиям, в которой он исполняет свои мечты и пожелания, например Apple Vision Pro (Австралия) — потенциально опасное пространство. В условиях метавселенной находится цифровой двойник, который также создан согласно пожеланиям обычного человека со своими страхами, надеждами, стереотипами, пожеланиями и, в том числе мотивами и целями, которые входят в характеристику субъективной стороны состава преступления.

Аватар (цифровой двойник) подчиняется воле человека, он создан таким образом, что его действия и поведение в виртуальном пространстве соответствует пожеланиям «хозяина», таким образом, происходит «перенос» поведения человека с его установками, не всегда позитивно характеризующимися, на те объекты, которые уже существуют в метасреде и при-

водят к совершенно очевидным последствиям

В настоящее время метавселенная постепенно становится основным компонентом промышленных и коммерческих процессов по всему миру. Хотя многие вопросы остается много, и некоторые из них вырисовываются все больше в приоритетах правительства и корпоративного сектора разных стран, тем не менее, у Metaverse есть высокие шансы реорганизовать компании, отрасли, национальные экономики и даже масштабные инициативы экономического регионализма.

Вероятно, рынок Metaverse, а также различные инструменты, связанные с Metaverse, будут активно развиваться в Юго-Восточной Азии, поскольку прави-

тельства и компании государств Юго-Восточной Азии смотрят на Metaverse благосклонно. В то же время есть несколько ключевых вопросов, требующих согласования на уровне государства участников международного сотрудничества. В настоящее время Metaverse постепенно становится одним из основных компонентов промышленных и коммерческих процессов по всему миру. Хотя многие вопросы остаются много, и некоторые из них вырисовываются все больше в приоритетах правительства и корпоративного сектора разных стран, тем не менее, у метавселенной есть высокие шансы реорганизовать компании, отрасли, национальные экономики и даже масштабные инициативы экономического регионализма.

Литература

1. Craigen D. Defining Cyber Security / D. Craigen, N. Diakun-Thibault, R. Purse // Technol. Innov. Manag. Rev. — 2014. — 4. — P. 13–21. — DOI: 10.22215/timreview/835
2. Original link: <https://www.bbc.com/news/technology-59937610> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Чонг, Б. Ч. Развитие ИИ-аватаров: правосубъектность, права и обязанности в развивающейся метавселенной / Б. Ч. Чонг // Журнал цифровых технологий и права. 2024;2(4):857–885. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.42>. EDN: FNENMX
4. Дремлюга, Р. И. Преступность 4.0. / Р. И. Дремлюга. — М.: Инфотропик, 2024. — 340 с.
5. Залоило, М. В. Искусственный интеллект в праве / М. В. Залоило. — М.: Инфотропик, 2021. — 132 с.
6. Колчевский, И.Б., Бицадзе, Г. Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура / И. Б. Колчевский, Г. Э. Бицадзе // Научный портал МВД России. — 2021. — № 2 (54). — С. 40–47.
7. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И. Г. Смирнова; отв. ред. О. А. Егерёва, Е. М. Якимова. — М., 2016. — 400 с.
8. Лебедев, С.Я., Джафарли, В. Ф. Цифровое уголовное право / С. Я. Лебедев, В. Ф. Джафарли. — М.: Проспект, 2024. — 392 с.

References

1. Craigen D. Defining Cyber Security / D. Craigen, N. Diakun-Thibault, R. Purse // Technol. Innov. Manag. Rev. — 2014. — 4. — P. 13–21. — DOI: 10.22215/timreview/835
2. Original link: <https://www.bbc.com/news/technology-59937610> (дата обращения: 20.10.2024). Chong, B.C.. The development of AI avatars: Legal personality, rights and duties in the developing meta-universe / B. C. Chong. Chong // Journal of Digital Technology and Law. 2024;2(4):857–885. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.42>. EDN: FNENMX
3. Dremlyuga, R. I. Criminality 4.0. / R. I. Dremlyuga. — Moscow: Infotropic, 2024. — 340 с.
4. Zaloilo, M. V. Artificial intelligence in law / M. V. Zaloilo. — Moscow: Infotropic, 2021. — 132 с.
5. Kolchevsky, I.B., Bitsadze, G. E. Crimes in the sphere of information technologies: concept, structure / I. B. Kolchevsky, G. E. Bitsadze // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 2 (54). — С. 40–47.
6. Cybercrime: criminological, criminal-legal, criminal-procedural and criminalistic analysis / scientific. ed. I. G. Smirnova; ed. by O. A. Egerova, E. M. Yakimova. — M., 2016. — 400 с.
7. Lebedev, S.Ya., Jafarli, V. F. Digital criminal law / S.Ya. criminal law / S. Y. Lebedev, V. F. Dzhafarli. — Moscow: Prospect, 2024. — 392 с.

Сведения об авторах

ПЕТРОВ Павел Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; криминологии юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

PETROV Pavel Konstantinovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law; Criminology at the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South Ural State University (National Research University)".

ДЕНИСОВИЧ Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (Челябинск); старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань).

DENISOVICH Veronika Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk); Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Kazan).

Материалы к публикации отправлять по адресу:
problemiprava28@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76,
ЮУрГУ, Издательский центр**

*Издатель и учредитель: Коллегия Адвокатов г. Челябинска
Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
Подписано в печать 13.03.2025. Дата выхода в свет 14.03.2025.
Формат 60×84^{1/16}. Усл. печ. л. 3,2. Тираж 50 экз.*

Заказ

Цена свободная.

*Отпечатано в типографии «Пронто»
454080, Челябинск, ул. Энгельса 47А*